приходилось вступать в бой с самолетами врага. Только за летний период 1942 года нами было сбито 5 немецких самолетов.

В первых числах 1943 года наша артиллерия и бронепоезда усилили активность в направлении Киришского плацдарма. Командующий армией приказал спешить бронепоезда, действовать как пехота и преследовать покидающего плацдарм противника. Этот приказ я получил в 4 часа утра 4 октября. Не успели мы достигнуть моста через Волхов, как немцы взорвали его. Я доложил командующему обстановку. Он сообщил, что скоро будут лодки. И действительно, через полтора-два часа солдаты на плечах принесли 5 плоскодонок, на десять человек каждая. Мы срочно приступили к переправе.

Начинался рассвет, но туман был такой густой, что дальше десяти метров ничего не было видно. Высланная вперед разведка доложила, что на станции Ирса немцы грузятся в вагоны.

Разделившись на две группы (одна справа полотна железной дороги, другая слева), начали наступать на Ирсу. Немцы, зная, что мост взорван, нас не ожидали. Мы подошли к станции вплотную, но туман не давал возможность увидеть, что там делается. Слышны были разговоры, стуки, команды. И тогда мы открыли огонь из автоматов и пулеметов по звукам.

В отряде у нас было 60 ручных пулеметов. Приказано было выпустить по одному диску и далее ждать команды. Когда мы прекратили огонь, услышали стоны и крики. Немцы бросились вдоль железной дороги в западном направлении. Мы, не отставая, преследовали их. Достигли деревни Мягры и были здесь встречены огнем с подготовленной линии обороны противника.

Я доложил командующему обстановку. Он приказал занять оборону и ждать дальнейших приказаний. Через два дня подошла наша стрелковая часть, и нас заменили.

В боях за Кириши из состава бронепоездов погибли 18 человек. Все они похоронены в Будогощи, в братской могиле.

Н. СМИРНОВ,

командир 32-го дивизиона бронепоездов

«Чума» на колесах

Для разведки боем, выявления огневых точек и скопления немецких войск в полосе железной дороги на участке Кириши-Мга и их уничтожения в 32-м отдельном Московском дивизионе бронепоездов придумали и построили подвижную огневую точку с семью амбразурами, использовав для этого двухосную платформу. Строили ее пулеметчики бронепоездов Лексонов, Ерохин, Натенадзе, Банников. Инициатором и руководителем строительства был сержант В. П. Федотов. Делали крепко, надежно. Сверху прикрыли шпалами в два ряда для защиты от пуль и осколков снарядов.

Бойцы 44-й стрелковой дивизии, в районе действия которой вел бои дивизион бронепоездов, в шутку окрестили нашу огневую платформу «Чумой». Так за ней и закрепилось это название. На ее вооружении состояло 5 ручных и 2 станковых пулемета, а бронемашина БА-10, которой буксировалась «Чума», имела на вооружении 45-миллиметровую пушку и два пулемета ДТ. Пушка была усовершенствована и приспособлена для стрельбы с закрытых позиций с использованием орудийного квадранта. Экипаж подвижной огневой точки состоял из командира, военфельдшера и 9 пулеметчиков. Командиром «Чумы» поставили старшего лейтенанта С. Филатова, заместителя командира бронепоезда «Сталинец».

Ночью «Чума» почти бесшумно приближалась к передовой на возможно близкое расстояние и открывала одновременно огонь изо всех огневых средств, поливая свинцовым дождем траншеи и блиндажи в районе железной дороги и моста. Израсходовав боевой запас, «Чума» так же внезапно уходила. Немцы открывали беспорядочную стрельбу, раскрывая схему своей обороны и все огневые средства.

Разведчики дивизиона с разных наблюдательных пунктов засекали цели, нанося их на крупномасштабные карты управления огнем. Готовились данные для очередных налетов бронепоездов.

Июль 1942 года. Самый разгар ожесточенных боев за плацдарм. Перед рассветом в очередной раз выехала «Чума» на передний край

нашей обороны. Окрыленные успехом, пулеметчики открыли огонь. Но немцы уже засекли их, и тут началось непредвиденное. Мины рвались где-то рядом. Надо было немедленно уходить. Разведчик с бронемашины сержант Мельников доложил:

– Товарищ старший лейтенант, путь отрезан. Рельсы искорежены в десяти местах по ходу.

– Гогладзе, Жук, за мной, – приказал Филатов и выскочил на насыпь. Негромко, короткими фразами он руководил ремонтом пути. Бойцы, понимая своего командира с полуслова, ставили кусок рельса, подводили под него шпалы. Но как только стали забивать костыли, фашисты усилили огонь. Уже совсем рассвело. Мины стали рваться то справа, то слева.

– Ложись, – скомандовал Филатов.

Сквозь грохот разрывов послышались стоны.

– Командира ранило! – крикнул сержант Жук.

С платформы уже спешили пулеметчики, что-то говорили своему командиру, которого уважали за мужество, простоту в обращении с подчиненными, даже за требовательность. Но командир ничего не слышал. Его контузило, лицо было залито кровью.

Бережно и осторожно Федотов, Тимохин и Жук внесли командира на платформу. Военфельдшер Брилев склонился над ним. Осколок мины попал в лобную кость. Филатов был без сознания. Оказав первую помощь, военфельдшер поспешил к другим раненым. Гогладзе лежал, закрыв лицо руками, и тихо стонал. Осколком мины ему отрезало часть щеки, и она, свисая большим куском, закрыла ему рот. Рядовой Озеров был ранен в ногу.

Через несколько минут путь был восстановлен, и бронемашина с «Чумой» помчалась на базу, где находилась медчасть дивизиона.

Старшего лейтенанта С. И. Филатова после госпиталя комиссовали и уволили из армии как инвалида I группы. Орден Красной Звезды ему вручили в госпитале, где его часто навещали боевые товарищи.

«Чума» не прекращала своих боевых действий. В бой ее водил старший сержант В. П. Федотов.

Теплым солнечным утром 22 августа 1942 года «Чума» выехала на передний край вместе с бронепоездом «Москвич». Командующий 4-й армии генерал-майор Н. И. Гусев поставил дивизиону за-

дачу: поддерживать огнем атаку полка 44-й стрелковой дивизии на одном из участков Киришского плацдарма. Противник не замедлил открыть огонь по бронепоезду. Прямым попаданием снаряда разбило контрольную платформу, стоящую впереди бронепоезда, рядом с «Чумой». Взрывная волна была настолько сильной, что «Чуму» сбросило с рельс и частично разрушило. Пулеметчики отделались небольшой контузией и ушибами.

С бронепоезда немедленно была направлена ремонтно-восстановительная бригада, а артиллерия его открыла огонь из всех своих стволов, прикрывая ремонтные работы. Поставленная на рельсы, «Чума» продолжала вести огонь по врагу с первой огневой позиции. Пулеметы накалялись докрасна, в низком помещении «Чумы» нечем было дышать, но пулеметчики не снижали темп и поливали атакующих немцев огнем.

За сутки было израсходовано 322 тысячи патронов и весь боекомплект снарядов. Атака немецких войск была отбита. Но и наши части не продвинулись вперед, правда, улучшив свои позиции. Пулеметчики Синицын, Джавахишвили, Енукидзе, Петроченко, Малыгин и их командир Федотов за отличное выполнение боевой задачи были отмечены в приказе командиром дивизиона капитаном Н. А. Смирновым.

А. П. НЕПЛЮЕВ,

в 1942–1943 годах – начальник штаба 32-го Московского отделения дивизиона бронепоездов

Подкоп

Не жалея сил и средств, все еще мечтая о походе вглубь нашей страны, с фанатическим упорством удерживали гитлеровцы плацдарм в Киришах – пятачок в 4–5 км по фронту и до 2 км в глубину.

Особенно тяжелые сражения развернулись летом 1942 года. Части 4-й армии пытались сбить противника с плацдарма. Израсходовав с 4 по 15 июня более 40 тысяч мин и снарядов для разрушения 130 огневых точек и блиндажей фашистов и уничтожив более 18 минометных и артиллерийских батарей, а также 850 солдат и офицеров врага, наши подразделения все же не смогли овладеть Киришами.

В июле-августе 1942 года предпринималась новая попытка сбросить противника в Волхов, но и эти бои не достигли цели.

Тогда начальник отдела заграждений штаба инженерных войск Волховского фронта майор С. П. Назаров («загражденец фронта», как называл его командующий фронтом К. А. Мерецков) предложил подорвать опорный пункт противника в роще «Высокая», применив старинный прием подземно-минной борьбы, известный на Руси еще с древних времен.

В ноябре 1942 года развернулись сложные работы, которыми руководил дивизионный инженер 44-й стрелковой дивизии В. С. Сорокин.

Наступала зима, уже выпал снег. В зоне наибольшего сближения с рощей «Высокая» в ночное время соорудили просторный и глубокий блиндаж, связанный ходом сообщений с первой траншеей. Из блиндажа по азимуту определили общее направление подкопа. Его вели из блиндажа круглосуточно. Грунт выносили в мешках, вручную, рассыпали в ближайших воронках и маскировали снегом.

Сечение галереи было невелико – всего 1,5 х 2 метра. Все работы велись вручную, механизмов не было. Лопата, топор, пила да кирка – вот и весь инструмент минеров. Главное условие – соблюдение абсолютной тишины. Вскоре в галерее появились грунтовые воды, стало нехватать кислорода. Тускло светили в забое лампочки, питавшиеся от автомобильных аккумуляторов. Саперами 61-го батальона 44-й дивизии руководили командиры рот старшие лейтенанты Смирягин и Рогожкин, лейтенант Груздев и начальник штаба батальона капитан Кудинов. Две команды по 12 человек каждая менялись через три дня работы.

В начале января 1943 года я побывал на КП первого батальона 305-го полка, в полосе которого велись работы. Видел Сорокина. Сапоги, брюки, ватная куртка офицера были насквозь в жидкой, смерзшейся грязи. Тяжел был воинский труд саперов.

После проходки 180-метровой галереи на конце ее устроили взрывную камеру, куда саперы доставили и уложили более 30 тонн взрывчатки. Вместе с капитаном Смирягиным, удалив всех из галереи и камеры, майор Сорокин смонтировал взрывные сети от заряда к подрывной машинке. Это была опасная работа, любая неосторожность могла иметь неотвратимые последствия.

Операцию по подрыву рощи «Высокая» с двумя отвлекающими взрывами – на железной дороге и у деревни Плавницы – назначили на утро 23 февраля 1943 года. В 200 м от нашей первой траншеи оборудовали исходную позицию – траншею для сосредоточения батальона наших автоматчиков, которому был поручен захват рубежа после подрыва рощи «Высокая».

И вот все готово. У подрывной машинки старший нашей команды майор Сорокин. В семь утра в небо рядом с нами взлетают две красные ракеты. В ответ справа, над деревней Плавницы, – две зеленые. Раздаются два отвлекающих взрыва и вслед за ними – главный взрыв. Все находившиеся на КП в блиндаже, в километре от центра взрыва, ощутили сотрясение почвы, как при землетрясении. Выбежали наружу – громадный огненно-черный гриб взрыва встал над местом, где была роща «Высокая».

Штурмовой батальон автоматчиков 44-й дивизии вместе с приданными саперами броском занял рубеж. Весь гарнизон опорного пункта врага был уничтожен взрывом. В зоне подрыва солдатам пришлось пробираться ползком по взрыхленному грунту. Наш батальон закрепился на новой позиции. Переправы противника через Волхов, которые мы до этого не просматривали, теперь были как на ладони.

Артиллеристы спешили оборудовать свои наблюдательные пункты, чтобы вести прицельный огонь по этим переправам.

Только через час немцы начали обстрел с левого берега Волхова. Завязалась артиллерийская дуэль. В течение дня противник дважды после авиационных налетов предпринимал ожесточенные контратаки, но они были отбиты с большим уроном для врага.

Днем саперы обмерили воронку. Она оказалась диаметром не менее 80 и глубиной 20 м. Позднее немцы в своих газетах жаловались: «Русские предприняли на Киришском рубеже варварские способы войны – подкопы и взрывы времен осады крепостей». А рубеж был наш. Рубеж, добытый беззаветным трудом саперов и отвагой пехотинцев.

Такова история воронки, ставшей сегодня в Киришах небольшим круглым озерцом.

В послевоенные годы я встретился с Виктором Семеновичем Сорокиным в Ленинграде на новой станции метро. Сапер, ветеран Волховского фронта, он был тогда главным инженером Ленинградского метрополитена.

А. Ф. ХРЕНОВ,

начальник инженерных войск Волховского фронта, Герой Советского Союза, генерал-полковник

Все это помнится

Война застала меня на третьем курсе Ленинградского института советской торговли. 4 июля я пришел во Фрунзенский военкомат г. Ленинграда и подал заявление с просьбой направить на фронт.

Первый бой, крещение огнем было под Лугой. Потом бои под Тихвином, Волховом, на киришской земле уже был в составе 44-й стрелковой дивизии.

Помню, мы, молодежь, любили слушать рассказы бывалых солдат. Такие рассказы были полезны, опыт бывалых солдат нередко выручал нас в бою.

Особенно впечатался мне в память рассказ солдата Савчука, участника Гражданской войны. Он попал к белым в плен, но сумел избежать смерти, когда стоял под дулами винтовок белогвардейцев. Стоял на краю только что вырытой могилы. Когда раздалась команда «огонь», он, стоявший крайним, мгновенно качнулся в сторону, пули прошли мимо. Он бросился в ближайшие кусты и был таков.

Как-то после боя наш батальон получил приказ отходить. В это время комбату доложили, что на поле боя остался раненый солдат. Комбат приказал мне, тогда заместителю политрука, с группой бойцов вернуться и найти раненого. Мы вернулись на место, где еще недавно шла жаркая схватка, быстро нашли раненого. Сделали ему перевязку, пристроили на лошадь и поспешили вдогонку за своим батальоном.

Наших подразделений уже не было видно. Я пошел впереди группы в удалении, чтобы избежать внезапной встречи с противником. Метров через сто стал внимательно всматриваться в лесные заросли. Совсем близко, метрах в 30, заметил немецкие каски и направленные на меня стволы оружия. Доли секунды я соображал, что делать. В голове электрической искрой проскочил рассказ старого солдата Савчука. Я прыгнул в сторону, пули просвистели мимо. Еще прыжок и я в кустах... Словом, приказ комбата выполнили. Раненого боевого товарища доставили в медчасть.

Много лет прошло с тех пор, как закончилась война, но о нашем командире минометного батальона 146-го стрелкового полка П. А. Цымбале, сыне украинского народа, всегда помню. Будучи командиром взвода, мне часто приходилось быть в бою рядом с ним. Бои были тяжелые и под Тихвином, и в ходе преследования немцев, отходивших по киришской земле. Я восхищался храбростью, выдержкой и самообладанием этого командира в трудные минуты.

Бойцы батальона уважали и любили своего командира не только за его боевые качества, но и за отеческую заботу о них. Он не жалел усилий, чтобы обеспечить нас всем необходимым для ведения боя. В короткие минуты затишья успевал поговорить с бойцами по душам. Мы, молодые, так нуждались в его отцовском внимании. В ходе боев комбат учил прибывшее пополнение боевому мастерству. Мы часто видели его у минометных расчетов, терпеливо рассказывающим что к чему. И эта наука – умение вести себя на поле боя многим сохранила жизнь, помогала наносить противнику крепкие удары.

Погиб Петр Александрович Цымбал в декабре 1941 года под самыми Киришами.

А как можно забыть о «маленьком докторе», как называли мы, раненые, одного из хирургов.

Меня, раненного в руку, на повозке доставил в госпиталь мой боевой друг Василий Бодров. Когда я уже лежал на операционном столе, подошла маленькая ростом хрупкая девушка, блондинка, в белом халате. Сестры доложили: «Доктор, к операции все готово». Посмотрел на нее и подумал: «Ну и доктор». Но как я обманулся!

Она начала осматривать мою разорванную разрывной пулей руку, я спросил ее:

– Доктор, рука сохранится?

Она твердо ответила:

– Не волнуйся, рука останется.

Ее уверенный ответ придал мне силы и уверенность в благополучном исходе операции.

Наблюдая за доктором в щелочку из-под простыни, которой был накрыт, видел, как она рассекла на четыре части рваную рану, уверенно орудуя инструментами. Вот она уже выбросила грязную, оторванную пулей мышцу, осколки кости. Сестры что-то по ее указа-

нию подливали в рану, удаляя кровь. Я не очень страдал от боли, страдал больше от мысли: вдруг в двадцать лет останусь без руки!

Время шло. «Маленький доктор» делала свое дело. До моего слуха донеслись ее слова:

– Все. Давай шину.

Я понимал, если доктор требует шину, то руку не отрезали.

И сейчас, когда я смотрю на свою руку, которая короче второй, то поражаюсь, как умные ручки «маленького доктора» смогли сохранить мою искореженную разрывной пулей руку. Ведь ей пришлось из раны убрать многочисленные осколки костей, как-то соединить искусно оставшиеся кости, соединить так, чтобы они срослись, и рука стала работоспособной, хотя она и на пять сантиметров короче. Вот тебе и «маленький доктор». На деле это был доктор с большой буквы. Ни имени, ни фамилии я ее не знаю, но всегда помню ее золотые руки, всегда мысленно желал и желаю доброго здоровья и счастья ей.

В конце декабря 1941 года в связи с ранением мне пришлось покинуть своих боевых друзей, продолжавших биться с врагом в районе деревни Ларионов Остров.

А. Ф. ЕГОРОВ,

командир взвода 46-го полка
44-й стрелковой дивизии

Солдаты без оружия

Войну я встретила студенткой пединститута им. Покровского в поезде под Ленинградом, направляясь в Новый Петергоф, где мы проходили практику. Через четыре дня в институте начали формировать отряд из добровольцев, чтобы поехать на фронт (в институте на военной кафедре мы прошли курсы медсестер). 140 девушек из нашего института вошли в состав 3-й дивизии народного ополчения Петроградского района г. Ленинграда, которая в ноябре 1941 года была переименована в 44-ю стрелковую дивизию.

Первых раненых принимали в Стрельне и Урицком. Это были моряки с кораблей Балтийского флота.

В ноябре-декабре 1941 года 44-я дивизия приняла участие в боях за освобождение г. Тихвина. Преследуя отступавшего противника, наши части к концу декабря продвинулись до берегов реки Волхов в районе пос. Кириши.

Вся моя дальнейшая фронтовая жизнь до демобилизации в августе 1945 года (по вызову в институт) была связана с коллективом 78-го медсанбата 44-й стрелковой дивизии, а с ней мы прошли путь от Киришей до Курляндии. Коллектив в медсанбате был сплоченным, дружным. В этом немалая заслуга нашего комбата Дмитрия Алексеевича Четверикова, опытного врача, хорошего организатора, офицеров медицинской роты и батальона К. Н. Нестерова и Н. А. Морозова. Они всегда проявляли чуткость и внимание к личному составу, учили нас беречь себя. Много времени прошло с тех пор, что-то забылось, но наиболее яркие события останутся в памяти до конца жизни.

Помню Тихвин, жестокие бои. У стен города немцы, а мы принимаем, оперируем и отправляем раненых. Медсанбат расположился на улице Пионерской. Немцы бомбили и обстреливали нас. Снаряд попал прямо в кухню, и все мы, медперсонал и раненые, остались без пищи.

Поздно вечером приказ: грузиться. Из имущества взяли только самое необходимое, а на последнюю машину погрузили раненых и весь личный состав. Стоять пришлось на карабинах и гранатах, уложенных на дно машины, прижавшись друг к другу. Выстроилась колонна из 80 машин вместе с тылами дивизии. За рулем головной машины был шофер из «Интуриста», он владел немецким языком. Это нас спасло, когда мы подъехали к мосту через реку. На мосту стояли немцы. Нас остановили, наш шофер по-немецки сказал что-то, и нас пропустили.

В с. Большой Двор нас каждый день бомбили – утром и вечером. Раненые были размещены в домах. Паники не было. Я дежурила в паре с Валей Страховой, она очень хорошо пела. Мы укладывали всех раненых на пол и запевали любимые песни, раненые нам подпевали. Так мы побеждали страх.

Под Киришами медсанбат развернули на 83-м километре железнодорожной линии Мга-Будогощь. Наш госпитальный взвод разместили в большой землянке. Сортировка, операционная, эвакоотделение – в палатках. Кругом болото. Морозы стояли до 40 и ниже градусов. Воды не было, топили снег: пилили его пилой, делали запасы. Хлеб невозможно было резать ножом – тоже пилили пилой, потом разогревали его на печке.

Весной, летом и осенью раненых из операционной палатки в госпитальный взвод (200 м) носили только по кладке, так как болото оттаивало и становилось топким. Ходили как канатоходцы, но наши санитары и сандружинницы Рогожкин, Тырин, Нина Пашкова, Ольга Ревоненкова, Елизавета Ускова работали уверенно.

Не могу забыть капитана Ветэра.

Виктор Никифорович Ветэр в декабре 1943 года получил очень тяжелое ранение. Он подорвался на мине и лишился обеих ног. Случилось это недалеко от медсанбата. Раненого в тяжелом состоянии доставили в операционную. В этот день дежурила бригада во главе с врачом Л. Г. Позднуховым и операционной сестрой Дусей Шепелевой, в госпитальном взводе дежурила я. Пульса нет, дышать перестал, белый, как полотно.

Шесть часов шла операция. И шесть дней в госпитальном взводе мы боролись за его жизнь. Состояние Ветэра стало таким, что

позволило отправить его в госпиталь. После этого у нас с ним завязалась переписка – он писал Позднухову и мне.

После окончания войны я потеряла с ним связь, но он через Леонида Григорьевича Позднухова разыскал меня, и я узнала, что семья приняла его. Он закончил аспирантуру и последние годы жизни заведовал кафедрой в одном из вузов Таганрога. Его сын приезжал ко мне в Ленинград. Любовь к жизни, чувство долга – эти качества Виктор Никифорович не утратил до конца своих дней. Он ходил на протезах с палочкой, водил машину. Последнее письмо от него я получила в декабре 1979 года. Это было поздравление и благодарность за тридцать пять лет, которые мы, медики, подарили ему. А было ему уже 70 лет.

Под Киришами мы часто оказывали медицинскую помощь жителям ближних деревень, однажды даже принимали роды.

На болотах было много ягод. В спокойные дни осенью ходили за клюквой для раненых, но нас часто немцы засекали и бомбили или обстреливали.

Когда не было боев, мы учились специальности, военному делу. Ездили со спецмашинами на передовую мыть солдат, выжаривать из их одежды паразитов. Жизнь в медсанбате била ключом.

В 1944 году наша дивизия участвовала в победоносном наступлении по освобождению Ленинградской, Новгородской, Псковской областей и Прибалтики.

В нашей памяти запечатлелись навсегда злодеяния фашистских оккупантов. Помню, 24 февраля 1944 года наши части вступили в город Дно: на всех улицах полыхали пожары – гитлеровцы, отступая, поджигали город. На весь город неразрушенными остались два строения – церковь и больница.

Наш медсанбат разместился в городской больнице. Больница была пустой, все разбросано, больных нет. Много валялось бумаг – старых историй болезней, бумажки на русском языке, где были напечатаны расценки: сколько стоит посещение больного врачом на дому, прием в поликлинике, один день проживания в больнице. В то время это нас шокировало. А сейчас мы сами к этому пришли.

Утром на второй день приходили обожженные больные и рассказывали, как немцы, отступая, бросали в каждый дом зажигательные гранаты.

В г. Дно мы стояли несколько дней. У нас начались проблемы с отправкой раненых, так как пошли в основном тяжелораненые, нетранспортабельные, а мы удалились от железной дороги. Медсанбат растянулся на несколько десятков километров. Образовались точки, где находились по два-пять тяжелораненых, санитар, медсестра, а врач на две-три точки. Самое трудное положение было у командира эвакоотделения старшего лейтенанта И. А. Филиппова. Своих средств транспорта не было: он стоял на дороге и останавливал машины, идущие в тыл без груза – это закон во время войны, но не все его выполняли.

Однажды утром мы увидели двух крестьян на розвальнях, запряженных лошадьми. Ими оказались партизаны. Они узнали, что в поселке раненые, и прислали им продукты: бидоны с молоком, сметаной, творогом и домашний хлеб. Какая это была радость для солдат, которые уже давно, очень давно не ели домашней пищи! Местные мальчишки принесли с чердаков бутылки из-под немецкого вина, и мы наполнили их молоком в дорогу. На второй день пришло 60 подвод для эвакуации раненых – этими «волшебниками» были партизаны из Дновского партизанского края. Немцы так лютовали в городе потому, что партизаны не давали им спокойно жить.

Медицинские работники внесли свой достойный вклад в разгром фашизма, в Победу. Медицинская помощь раненым, несмотря на сложность и трудность, была поставлена хорошо. Об этом говорят итоги: 72 процента раненых были возвращены в строй. Такого результата не имела ни одна армия в мире, в том числе русская армия в прошлые войны. В этом есть и заслуга 78-го отдельного медико-санитарного батальона 44-й стрелковой Чудовской Краснознаменной дивизии.

Все мы – врачи, медсестры, фельдшеры, санинструкторы и санитары – были солдатами без оружия. Так назвал военных медиков известный ленинградский писатель Владимир Дягилев. В его военных повестях правдиво, с документальной достоверностью показан благородный, самоотверженный труд медицинских работников в минувшей войне.

В. А. ЛЕБЕДЕВА-ФИЛИППОВА,

старшина медицинской службы
78-го отдельного медсанбата

Боевое братство

При подходе к Киришам личному составу медсанбата отдыхать приходилось очень мало – по два-три часа: обработка раненых требовала от нас круглосуточной работы. А под Киришами остановились и почувствовали некоторое облегчение. Получили палатки, а это позволило нам благоустроиться в лесах, замаскироваться. Снизилась вероятность артобстрелов и авиационных бомбежек.

В эти дни нового 1942 года санитарный отдел 4-й армии отозвал в свое распоряжение командира медицинской роты Иванова. На его должность назначили меня, а командиром медсанбата тогда был Д. А.Четверкин.

Стало известно, что дивизия ведет оборонительные бои, и мы развернулись в полном составе со всеми функциональными подразделениями медсанбата. Медицинская рота расположилась частично в палатках, а частично в землянках. Все было готово к приему раненых.

У меня появились новые обязанности: я должен был контролировать развертывание всей медицинской роты по приему, обработке и эвакуации раненых. Эту работу старался выполнять в полном объеме, однако основное мое место было в операционном взводе, в составе которого я себя числил.

В операционном взводе были два врача – Позднукова и Овчинникова, имевшие опыт хирургической работы, и медсестра А. А. Денисова.

Вспоминаю, как двигались после освобождения Тихвина до Киришей: мы шесть раз развертывались и свертывались, имея в виду весь медицинский персонал 44-й стрелковой дивизии. Короткое время находились в Городище. Настроение у нас поднялось. Мы делали не только хирургическую обработку ран, но даже операции. Госпитали далеко отстали, и мы некоторое время не имели возможности эвакуировать тяжелораненых воинов.

Нам разъяснили обстановку: под Киришами противник упорно обороняется. Наши неудачные наступательные бои приводили к тому, что поток раненых под Киршами был большой и все они оставались в медсанбате. Поэтому мы увеличивали число развернутых палаток, размещали раненых в деревнях и в землянках.

Весь личный состав медсанбата занимался обслуживанием раненых. Мне пришлось выезжать в некоторые деревни и навещать раненых, а также ночами стоять у операционного стола. Операционные сестры самоотверженно трудились около раненых.

Новый 1942 год мы отметили, подняв кружки с разведенным спиртом, желая друг другу счастья, а также успешного наступления полкам нашей дивизии. Мы ведь все были из Ленинграда, поэтому вспоминали о родном городе и желали ему скорее освободиться от блокады.

В последующие дни наступившего года обстановка у нас стала усложняться. Раненые нуждались в повторных перевязках, дополнительных медицинских манипуляциях, которые можно было сделать только в госпитальных условиях.

Командованию медсанбата пришлось проявить большую настойчивость, чтобы ускорить эвакуацию раненых. Потребовалось вмешательство штаба нашей дивизии, который и принял соответствующие меры: размещали раненых на останавливаемых машинах, направлявшихся в тыл фронта. Всего тогда отправили в госпитали несколько сот раненых бойцов и офицеров.

Здесь хотелось бы отметить большие возможности медсанбата, которые проявились в этой ситуации. Это прежде всего высокая мобильность, наличие квалифицированного медперсонала, приобревшего опыт, хорошее материальное оснащение – все это давало возможность маневрировать и обеспечивать выполнение задач как в ходе наступления частей дивизии, так и в обороне. Врачи, медицинские сестры и весь личный состав даже в занесенных снегом лесах и болотах оказывали незамедлительную помощь раненым. Мы представляли слаженный и дружный коллектив.

В те зимние дни мне вручили правительственную награду – медаль «За боевые заслуги». Признаюсь, что радовался: это была первая моя награда. По справедливости надо сказать, что такой награды были достойны и другие мои коллеги.

Позже мы передислоцировались в деревню Пчеву. Как мы потом узнали, здесь размещалось немецкое медицинское подразделение.

В сараях мы обнаружили незахороненные ампутированные конечности. Потом нам стало ясно, что в немецкой армии ампутации проводились широко. Конечно, легче залечить ампутированную культю, нежели огнестрельный перелом, но в нашей армии за каждую конечность раненого воина боролись до конца и не ампутировали, если была хотя бы небольшая надежда на выздоровление. Многим таким раненым были сохранены конечности, и они вновь возвращались в строй.

В Пчеве мы все работали с большой нагрузкой. Раненых было много. Однако работа медсанбата была в технологическом отношении хорошо организована, и мы успевали отдохнуть и привести себя в порядок.

В районе пос. Кириши тогда велись упорные бои. От многочисленных артобстрелов и бомбежек, особенно летом 1942 года, полки дивизии несли большие потери личного состава. В этот период боев мы располагались в районе 83 км железной дороги Мга–Будогощь.

Весь персонал размещался в сухих землянках. Операционный взвод развернули в большом, барачного типа, доме лесника. Научились драпировать стены и потолок операционной в избе простынями. Получалось чисто и хорошо смотрелось. Медперсонал тоже хорошо устроился. Раненых принимали в одной половине барака, в другой – устроили двухэтажные нары для нашего отдыха. Эвакуация раненых в армейский госпиталь уже не вызывала особых трудностей и проводилась автомашинами. Иногда тяжелораненых перевозили по железной дороге в Будогощь на дрезинах. Это было быстро и удобно.

Санитарный отдел 4-й армии тогда размещался в Будогощи, и мы стали чувствовать руководство с его стороны. Армейский хирург М. А. Шрайберг бывал у нас вместе с главным хирургом Волховского фронта А. А. Вишневским. Они сделали обход всего 76-го медсанбата, осмотрели раненых, а затем операционный стол и наблюдали обработку огнестрельных ран. Главный хирург лично обработал одну из них. На всех нас произвела большое впечатление техника обезболивания раны новокаином и мастерская хирургическая обработка раны.

Медсанбат А. А. Вишневскому очень понравился. Он дал высокую оценку нашей организации и хирургической работе, остался

доволен результатами операций. После этого главный хирург еще раз приезжал к нам и тоже хвалил за отличную работу.

Высокая оценка, данная фронтовым хирургом, была для нас важна: она свидетельствовала о том, что медсанбат достойно справляется с возложенными на него задачами и находится на уровне требований военного времени. И это радовало каждого работника медсанбата.

В конце 1942 и в 1943 году мы меняли свою дислокацию: базировались то севернее, то восточнее Киришей по обе стороны железной дороги. Это объяснялось изменением боевых позиций частей дивизии, а также тыловых баз снабжения.

Был момент в 1942 году, когда стало известно, что ранен дивизионный врач Н. И. Михайлов и его доставили к нам со сквозным ранением легочных тканей. Сложная и продолжительная операция прошла с благополучным исходом. Затем его эвакуировали в армейский госпиталь. Только после эвакуации наше напряжение стало отходить.

Медсанбат был для меня родной семьей, и когда я получил назначение на должность начальника санслужбы 44-й дивизии, мне тяжело было расставаться со своими коллегами – врачами, медсестрами, санитарами и другими замечательнейшими военными медиками. Ведь пережито было много тяжелых дней. И здесь, в боевых условиях, в лесах и болотах, в мороз и вьюгу, окрепло и закалилось наше боевое братство и верная дружба.

Г. Б. СОРИН,

командир 76-го медсанбата
44-й стрелковой дивизии

Партизанскими тропами

В послевоенное время, выйдя в отставку, М. А. Гончаров жил в г.Кишиневе. В 1981 году опубликовал в местном издательстве документально-художественную повесть «Испытание» о боевых делах киришских партизан. Один экземпляр с дарственной надписью автор прислал В. Ф. Амбражевичу, бывшему тогда редактору газеты «Киришский факел». В Киришах в продаже книги не было.

К концу августа 1941 года немецкие войска оккупировали значительную часть левобережья Киришского района от реки Тигоды до железной дороги Кириши-Мга. В незанятой врагом части района усиленно готовились к обороне: с активным участием населения сооружались огневые точки, траншеи, противотанковые препятствия. Был сформирован истребительный батальон для борьбы с вражескими диверсантами. В лесах закладывались партизанские базы. Под непрерывными бомбежками срочно эвакуировали промышленные предприятия и нетрудоспособное население.

В конце августа был сформирован и Киришский партизанский отряд, в который влилась часть бойцов 95-го истребительного батальона, в их числе и автор будущей книги «Испытание», рассказывающей о киришских партизанах, Михаил Андреевич Гончаров. Командиром Киришского партизанского отряда был назначен И. Н. Аказин, начальником штаба П. С. Побединский, комиссаром – редактор районной газеты Д. С. Баталин.

Отрывок из книги «Испытание» предлагается вашему вниманию.

Утром нас вызвал П. Побединский. Среди присутствующих в комнате я увидел Г. Пискарева, П. Лопатова, П. Самсоненко, И. Казенова, М. Петракова, К. Сельдинина, Ф. Максимова, В. Борисенко, В. Грузова, А. Садкова и Б. Питерцева.

Обведя всех внимательным взгдядом, Павел Степанович Побединский сказал:

– Наша группа в количестве 13 человек сегодня ночью должна покинуть поселок и к утру быть в Наростыне, а затем в лесном бараке «Топор». Потом перейдем линию фронта и вольемся в состав партизанского отряда нашего района, которым командует Иван Николаевич Аказин. Всем готовиться к выходу, получить продукты, боеприпасы. Брать побольше, кто сколько унесет, там все пригодится. Группу поведу я. Вопросы есть?

В комнате наступила тишина. Все думали об одном. И каждый о своем. Нас уже тогда воедино сплачивало неукротимое желание сражаться с ненавистным врагом. Нас, молодых ребят, захватывала романтика, предчувствие чего-то необыкновенного, героического. И, конечно же, никто из нас тогда не думал о тех неимоверных трудностях, с которыми придется встретиться в отряде.

Весь день готовились мы к походу. А в полночь, навьюченные боеприпасами и продовольствием, двинулись в путь. Шли в сторону г. Волхова лесом. Шли несколько часов без отдыха. Было полнолуние. В лесу остро чувствовалась прохлада, сырая свежесть травы и листьев.

Спать бы да спать в эту ночь. Но было не до сна. Где-то рядом, разрывая ночную тишину, глухо ухали снаряды. А над рекой Волхов то и дело взвивались в небо и падали, угасая, разноцветные ракеты. А мы все шли и шли... Миновали Андрианково, перебрались через р. Черная, подошли к дер. Пчева.

Через Волхов переправились севернее Пчевы на резиновой надувной лодке с помощью саперов 292-й стрелковой дивизии, занимавшей оборону на этом участке фронта.

К Наростыне подошли уже за полночь. После небольшого отдыха двинулись дальше.

К утру выбрались к довольно широкой просеке. Решили сделать привал, передохнуть. Но не успели сбросить с себя тяжелые рюкзаки, как услышали приближающийся шум и топот конских копыт. По просеке вытянулась кавалерийская часть, она двигалась к переднему краю нашей обороны, туда, где шли тяжелые бои. В новых серых шинелях, перепоясанные ремнями с подвешенными к ним клинками, кавалеристы лихо сидели на упитанных и натренированных лошадях.

Прошло не более десяти минут, как в воздухе появилась «рама» – немецкий самолет-разведчик. И тут же над просекой повисли девять

«юнкерсов». Сделав круг, бомбардировщики зашли с головы колонны и, наклонив остекленные носы, звено за звеном сорвались в пике... И сразу же противно завизжали, рассекая воздух, тяжелые бомбы. Лес всколыхнулся и задрожал от серии оглушительных взрывов. Команда: «Воздух! Рассредоточиться!» была подана слишком поздно, после первых взрывов бомб, когда уже, шарахаясь в стороны в предчувствии беды, громко заржали лошади, унося на себе раненых и убитых седоков.

Началась страшная суматоха: неразборчиво выкрикивались какие-то команды, раздавались крики раненых... А «юнкерсы» сделали еще один заход, и вновь, словно черные капли, отделялись от них и сыпались бомбы. И опять прогремели оглушительные взрывы, всплыли новые облака черного дыма. Разбросав бомбы и выпустив десятки пулеметных очередей, самолеты ушли на запад. Но вновь послышался стройный гул в небе, и лес встряхнули новые тяжелые взрывы.

Три раза возвращались в то утро «юнкерсы» к просеке, осыпая ее бомбами и поливая из скорострельных пулеметов.

Наступила гнетущая тишина. Черной удушливой гарью заволокло лес. Все вокруг было изрыто воронками от бомб, лежали хаотично искореженные деревья. Бродили без седоков по лесу лошади.

Через минуту-две просека ожила. Появились люди. Они растаскивали завалы, выносили ближе к опушке убитых и хоронили их в общей могиле.

В мелкой придорожной канаве, страдая от боли и жажды, с бледными и бескровными лицами лежали и сидели раненые. Закатав рукава, девушка-санитарка в военной форме быстро рвала бинты, стягивала с рук и ног раненых одежду, обувь, слушала стоны и матерщину, успокаивала, стыдила...

Впервые так близко мы увидели войну, человеческую смерть. И все мы как будто оглохли, онемели от происшедшего. Этот внезапный налет на свежий полк 27-й кавалерийской дивизии был губительным. Не дойдя до переднего края, полк уже понес большие потери и вряд ли мог после этого быть боеспособным.

(27-я кавалерийская дивизия сформирована в июле-августе 1941 года в г. Ростове Ярославской области. В сентябре, следуя на боевые позиции в районе Погостья, подверглась жестокой бомбар-

дировке немецкой авиации, понесла значительные потери в людях, лишившись почти полностью конского состава.

Оправившись, в пешем строю воевала под Погостьем, вела бои за Горятино, Среднее Село, Лашино, освобождала во взаимодействии с другими частями деревни Луг, Горчаково, Васильково, Березняк, Облучье, Кукуй, Пчевжу, Крутиху, Мелихово, Черницы. – *Ред.*).

Командир полка, еще молодой сухопарый подполковник с тонкими ногами, перехваченными в икрах зауженными голенищами, выглядел растерянным. Его легкая, подтянутая фигура не была столь воинственной. С нами он сначала разговаривал несколько натянуто, но, когда узнал, кто мы и куда направляемся, сухо улыбнулся, сказал:

– А мы вот отвоевались, и пользы от нас теперь там никакой. Вот сволочи, как будто выследили, – сокрушался он.

Недалеко на поляне бойцы свалили в кучу седла, переметные сумки, клинки, карабины и новенькие автоматы ППШ, оставшиеся от погибших кавалеристов.

– Вот бы нам заменить свои карабины на эти автоматы, – высказал пожелание Виктор Грузов. Побединский взглянул на него, подумал и тут же обратился к командиру полка:

– Да, действительно, было бы неплохо заменить наши карабины. С автоматами в лесу удобнее. Может поможете? – спросил он неуверенно.

– А сколько вас?

– Чертова дюжина. Тринадцать.

– Многовато, – сказал командир. – Ну, да ладно, в обмен можно, берите.

Мы сразу же бросились к сваленному в кучу оружию, выхватывая оттуда новенькие автоматы и круглые тяжелые диски к ним. Эти автоматы мы увидели впервые и, конечно же, испытывали немало радости, что стали их владельцами, хотя и при таких странных обстоятельствах.

К полудню прибыли в лесной барак «Топор». Небольшое деревянное строение в глубине леса стояло на возвышенности, окруженной стройными соснами. Рядом по ложбине протекал ручеек с чистой и прохладной водой. За ним сплошное болото, покрытое

толстым слоем мха. До войны в бараке жили рабочие лесхоза. А теперь здесь, между ручьями Топор и Серечань, была наспех создана продовольственная база Киришского партизанского отряда.

Расположившись в одном из помещений барака, прямо на полу, мы тут же крепко уснули. Разбудил П.Побединский. Сидя на своем рюкзаке, сказал:

– Мы с Григорием Ильичом сейчас пойдем, осмотрим местность, где будем переходить линию фронта. Старшим здесь остается Казенов. Зря по лесу не болтаться. В трех километрах немецкая оборона.

Взяв автоматы, Побединский и Пискарев ушли, а мы остались, досыпали, отдыхали, собирали на болоте клюкву, кипятили в котелках чай. Иван Михайлович Казенов особо не давил на нас властью, больше шутил, давал советы, интересовался нашим прошлым. И как-то особенно внимательно, даже покровительственно относился ко мне и Виктору.

– Вы ведь еще дети, – говорил он, – поэтому чаще прислушивайтесь к нам, старикам, мы уже немало прожили, знаем почем фунт лиха.

– А почем? – спрашивал у него Виктор, на что тот загадочно улыбался и грозил пальцем.

Называя себя «стариком», он в действительности не был им: ему исполнилось тогда 35 лет. Мы же прониклись особым уважением к нему, хотя он часто и беспричинно ворчал на нас.

Часа через три Побединский и Пискарев возвратились, и тут же была подана команда: «Готовиться к выходу!». Мы давно были готовы к этому. Все рюкзаки уложены и увязаны. Перекусив консервами и запив их горячим клюквенным напитком, с наступлением темноты двинулись в путь.

И хотя наш маршрут пролегал пока еще по своей, не оккупированной фашистами земле, соблюдали осторожность. Чем ближе подходили к переднему краю обороны наших войск, тем горше становилось на душе. В канавах, на обочине дороги да и прямо в колее валялись разбитые повозки, снарядные ящики с подвешенными и обгорелыми носилками, рваные мешки с крупой и сахаром, трупы коней, окровавленная вата... Следы недавней бомбежки вражеской авиации, а может быть, и артиллерийского налета противника.

Вскоре вышли к железнодорожной линии Кириши – Мга. Здесь проходила первая линия обороны. Перед рассветом сосновая роща, кусты, ямы и весь воздух над нами осветились тугой, напряженной вспышкой, и следом рявкнули почти одновременно десятки орудий и минометов. После кратких пауз тяжелые взрывы снова и снова сотрясали землю. Иногда в паузах было слышно, как гудит передовая и слева, и справа от нас. Рычание моторов, пальба и лязг гусениц, бесконечное сотрясение от взрывов земли мешали сосредоточиться, сделать что-то единственно верное, спасительное. Впервые оказавшись на переднем крае, я сжался в неглубоком окопчике и ждал, когда же все это прекратится. Но в самый разгар предрассветного боя я услышал голос Побединского:

– По одному через насыпь, вперед!

И он первым вскарабкался по ее склону. За ним рванулся и исчез за полотном Г. И. Пискарев. Тут же догнал его И. М. Казенов, махнув нам рукой. И мы, отвечая на его призыв, побежали, спотыкаясь о камни и кочки. Преодолев высокую насыпь, мигом пересекли небольшую поляну, укрылись в густом кустарнике. И только там отдышались, перевели дух. Вслед за нами подошли остальные.

– Все? – спросил Побединский, внимательно всматриваясь в лицо каждого. И тут же скомандовал: – За мной, по одному, вперед!

Но теперь наш путь был полон опасностей. Мы находились в тылу врага. Шли, как всегда, гуськом, тихо, осторожно ступая по мягкому, как ковер, мху, внимательно всматриваясь вперед, стараясь не отстать друг от друга.

Шли лесом, подальше от проезжих дорог и населенных пунктов, избегая встречи с немцами.

В зону большого лесного массива и пространных болот, раскинувшиеся на многие километры от Погостья до реки Тигоды, мы прибыли 14 сентября к вечеру. Там, в междуречье Чагоды и Кусинки, состоялась встреча с основным ядром Киришского партизанского отряда И. Н. Аказина.

Высокий, сухощавый, с грубоватыми чертами чуть удлиненного лица и светлыми серыми глазами, Иван Николаевич Аказин произвел на нас впечатление волевого, строгого и решительного человека. Было ему тогда 27 лет. Но нам он показался старше. Перед

войной работал председателем Киришского райсовета Осоавиахима, военное дело знал неплохо.

Рядом стоял невысокий худощавый человек, совсем еще молодой, лет 22, не более. Живыми внимательными глазами он как бы насквозь прощупывал каждого из нас. Это был комиссар отряда Дмитрий Семенович Баталин, бывший редактор газеты «Киришский колхозник».

После краткого знакомства с нашей группой был собран весь отряд и показался мне он совсем небольшим – с полсотни человек. Командир отряда ознакомил нас с военно-политической обстановкой в районе действия отряда, поставил задачи. А они состояли в том, чтобы вести разведку в тылу противника в районе Мга–Оломна–Посадниково–Тигода.

– Разведка для нас – это главное, – еще раз подчеркнул Иван Николаевич. – В разведданных, которые мы будем добывать здесь, очень нуждаются наши войска, их штабы. Именно для этих целей направлен сюда наш отряд. О тактике наших действий и формах борьбы с фашистами в этих местах мы поговорим завтра. А сейчас, – обратился он к Побединскому, – все оружие, боеприпасы, продукты, доставленные вами, сдать на склад. Спасибо за автоматы. Мы их перераспределим.

Мы не спали весь тот вечер до глубокой ночи. Знакомились, расспрашивали друг друга. Партизаны рассказывали нам о трудностях, которые они пережили, пока добирались до Ленинграда, где проходили формирование и вооружались, потом обратно, когда пробирались в тыл врага, что все эти дни они изучали обстановку в районе базы, бывали в окрестных селах. Почти везде, говорили они, есть фашисты, забирают у местных жителей коров, свиней, гоняются за курами. Свирепствуют – непрерывно устраивают облавы, ищут партизан, расстреливают невинных людей. В лес они пока далеко не заходят, но по лесным дорогам проезжают часто на машинах, мотоциклах с охраной. Ведут себя осторожно – боятся.

Уснули под утро. Спали под большой ветвистой сосной, прямо на земле, покрытой валежником. Палатка в отряде была только одна – штабная. Там размещались командир с комиссаром, возле нее стоял часовой.

8 сентября 1941 года войска 18-й немецкой армии группы армий «Север» прорвались через Мгу и захватили Шлиссельбург (Петрокрепость), блокировав Ленинград с суши. Одновременно гитлеровцы подтягивали к Ленинграду новые резервы, используя для этого коммуникации в своем тылу, организуя их охрану и защиту от нападений партизан.

В зоне действия Киришского партизанского отряда проходили коммуникации войск 4-й танковой группы и 39-го моторизованного корпуса немцев. Горючее и боеприпасы к вырвавшимся вперед танковым и пехотным дивизиям фашисты подвозили по железным, шоссейным и грунтовым дорогам. В оккупированных ими селах размещались склады, базы, мастерские по ремонту техники и оружия.

Естественно, командование наших войск интересовало все, что делалось в тылу немцев: какие там происходили перемещения, куда направляются их резервы?

Эти важные задачи, наряду с войсковой разведкой, ставились и перед партизанскими отрядами. Об этом нам напоминал командир отряда Аказин, предупреждая, чтобы группы, выходящие в разведку, избегали ненужных стычек с фашистами. «Разведка, разведка и еще раз разведка», – повторял он.

21 сентября на разведку данных о противнике ушло три группы, по пять человек каждая. Первая под командованием Побединского направилась в район железнодорожной станции Тигода. Другая, которую возглавил комиссар отряда Д. Баталин, пошла к селу Пельгора. Третья, ее возглавил Г. Пискарев, – к станции Погостье. Ни я, ни Борисенко с Грузовым ни в одну из групп не попали, остались на базе.

– Успеете еще, – сказал нам Д. Баталин.

Оставшись на базе, мы изучали материальную часть пулемета Дегтярева, знакомились с устройством противотанковой мины, отрабатывали тактику одиночного и группового боя. И, конечно же, с нетерпением ожидали возвращения на базу разведывательных групп. А у них обстановка складывалась по-разному.

Возвращались на базу опять по западному берегу реки Кусинки. Дальше всех ходила в тот день группа Д. Баталина. В ее составе были А. Ражев, А. Санников, П. Лопатов, М. Петраков. Люди уже

бывалые, опытные. До с. Пельгора, стоящего на шоссейной дороге, идущей из Любани на Мгу, добрались благополучно и к намеченному времени.

Расположились на опушке густого ельника, в течение всего дня вели наблюдение за дорогой. А по ней одна за другой, через 30–40 минут, тянулись автотранспортные колонны. Тяжелые машины были загружены ящиками с боеприпасами, железными бочками с горючим, бумажными мешками с продуктами. За шесть часов по дороге прошло 8 автоколонн общей численностью 266 машин.

Важную информацию доставила в отряд и группа Г. Пискарева. Разведчики обнаружили недалеко от станции Погостье разместившиеся в лесу склады с боеприпасами. Длинные зеленые ящики лежали высокими штабелями прямо на земле, покрытые сверху брезентом и затянутые маскировочными сетями. А вокруг, рассредоточившись по лесу, стояли тяжелые, загруженные снарядами автомобили «бюссинги». Их было там десятка два, не менее. Хорошая цель для советских самолетов. Вот был бы фейерверк! Но где они, эти самолеты? Тогда они еще не так часто появлялись над линией фронта.

В ту ночь долго горел свет в штабной палатке. Докладывали командиры разведгрупп, обобщались данные разведки. Была составлена и передана в штаб армии радиограмма за подписью Аказина и Баталина.

22 сентября снова ушло несколько групп в разведку. Но в их составе были уже другие бойцы. Оставшиеся готовились к важной операции. По предложению Побединского командование отряда решило 23 сентября на участке дороги Липовик–Березовик устроить засаду, напасть на штаб немецкого охранного полка во время его передвижения через лес, захватить пленных и необходимые документы.

Для проведения этой операции были созданы две группы из наиболее опытных партизан: группа захвата и группа прикрытия. В первую входили П. Побединский, М. Луковицкий, П. Самсоненко, А. Ражев, А. Санников, Н. Афанасьев, М. Петраков. На нее возлагалась задача: напасть из засады на штабную машину, захватить пленного и документы. Вторая группа под руководством Д. Баталина должна была прикрыть первую и обеспечить ей отход. В ее

составе были Г. Пискарев, К. Сельдинин, Ф. Максимов, В. Воробьев, А. Садков и мы с Борисенко.

На рассвете 23 сентября обе группы вышли на боевую операцию. Утро выдалось солнечным. Осень разукрасила разноцветными красками молодой осинник, уже пожелтели березы. Где-то вдали рокотал гром пушек.

Расположившись на опушке леса за небольшим кустарником, откуда хорошо просматривался весь участок дороги, мы приготовились к схватке с врагом. Начали минировать. Рыли ямки, ставили мины, маскировали.

Из «тяжелой артиллерии» отряд располагал ручным пулеметом Дегтярева. Действовать им поручили Александру Санникову. Это был замечательный парень, физически выносливый, спокойный, исполнительный. По правилам полагалось в походе нести пулемет поочередно всему составу группы. Но Санников никому своего оружия не доверил, нес пулемет все время сам.

Все заняли боевые места, замаскировались в придорожных кустах.

Ждать пришлось недолго. В лесу стояла мертвая тишина. И хотя день был солнечный, вокруг было пустынно и сиротливо. Вдруг слева донесся стрекочущий шум мотоцикла. Затаив дыхание, мы смотрели на дорогу. По ней, объезжая ухабы и рытвины, пробирался мотоцикл с коляской. На нем два гитлеровца. У того, что сидел за рулем, автомат висел на шее, а второй, в коляске, сидел с ручным пулеметом. Оба в касках, шинели мышиного цвета.

Мы взглянули на Аказина. Он сделал отрицательный знак: не трогать, пусть едут дальше. Мотоцикл проследовал мимо засады, обошел заминированный участок дороги и скрылся за поворотом. Фашисты нас не заметили. Не обратили они никакого внимания и на свежемаскированные лунки с минами, объехали их стороной.

Через несколько минут услышали шум автомобильного двигателя. И сразу же увидели большую крытую машину в виде автобуса.

Все приготовились к бою. Нервы напряжены до предела, только одна мысль: сработают или не сработают мины? А машина уже подходила к замаскированному участку. До него совсем немного: пять... три... два метра. И вдруг оглушительный взрыв, и машину как бы подбросило в воздух. Показалось, что она встала на дыбы и тут же

осела. Один за другим последовали еще два взрыва. Это Андрей Ражев бросил одну за другой две противотанковые гранаты, и языки яркого пламени лизнули капот и кабину машины. Немцев было не менее двух десятков. Открыв беспорядочную стрельбу из автоматов и пистолетов, они громко кричали: «Хальт! Русише. Партизанен!».

И тут по ним ударил из ручного пулемета Александр Санников. И когда показалось, что все уже кончено и ни одного фашиста в машине нет, Побединский и Ражев бросились к горящей машине, чтобы захватить уцелевшие документы, карты... Но рядом опять послышался гул моторов. Подходили еще машины. С них на ходу соскакивали солдаты и офицеры, открывая огонь из автоматов. Они быстро продвигались в нашу сторону.

– Бегом в лес! – приказал Аказин.

Силы были слишком неравными. Вступить в бой, значит погубить людей. Первая группа начала отход в глубь леса. А мы завязали бой с фашистами. Уже были расстреляны почти все патроны, осталось только по одному диску. Пошли в ход ручные гранаты. Немцы залегли, притихли. Убедившись, что первая группа ушла, Баталин подал команду на отход. Короткими перебежками мы по одному отходили к установленному месту сбора.

А позади все слышалась стрельба. Хлопали взрывы немецких гранат. Над лесом расстилался густой черный дым догоравшей на дороге машины.

Когда подошли к группе Побединского, Аказин спросил:

– Санников с вами? Где Санников? – мы переглянулись, и чувство тревоги охватило каждого из нас.

– Возвращаться на базу без Санникова мы не можем. Надо искать, – сказал Аказин.

Разбившись по два-три человека, мы приступили к поискам. Ходили долго. Осмотрели все вокруг. Заглядывали под каждый куст, в каждую ложбинку. Но безрезультатно.

К месту засады добрались, когда уже стемнело. Вышли к дороге – никого! Выставив наблюдателей, стали искать.

Нашли его разведчики группы А. Гуляева. Он лежал в глубоком кювете. Огнем своего пулемета Санников уничтожил немало гитлеровцев, но погиб и сам от брошенной врагом гранаты.

Соорудив из длинных палок носилки и бережно уложив на них отважного пулеметчика, мы покинули это заклятое место. Похоронили Санникова на небольшой полянке со всеми почестями. Дали из автоматов и карабинов салютные залпы. На могиле поставили столбик, прибили фанерку с надписью:

Санников
Александр Николаевич
Партизан
Погиб в бою с фашистами
23.09.1941 г.

Возвратившись на другой день из разведки в районе с. Липовик, бойцы группы Пискарева рассказали, что о случае нападения партизан на штаб немецкой части жители села уже знают. По приказу немцев местные плотники изготовили 20 гробов: 18 для офицеров и 2 для солдат. Значит, за жизнь Александра Санникова фашисты заплатили жизнью 20 своих головорезов.

* * *

Вечером весь отряд был собран на поляне возле штабной палатки. Д. Баталин сделал краткий обзор международных событий, рассказал о положении дел на советско-германском фронте. Командир отряда И. Аказин провел разбор проведенной операции.

Работа трех групп разведчиков 21 сентября была весьма результативной и получила одобрение высшего штаба. Основными силами отряда была проведена операция по разгрому немецкого охранного полка в районе с. Липовик. В этом бою многие участвовали впервые и получили боевое крещение и опыт борьбы с фашистами. Не так уж они страшны. И бить можно и нужно.

– И еще одно, – сказал командир. – Этот бой привлек внимание немцев к нашему лесу: они готовятся к карательным мерам, что вынуждает нас в ближайшее время сменить место своего расположения. В доставленном сегодня задании нам предписывается вести разведку. И только разведку. Будем выполнять этот приказ.

Немного подумав, Иван Николаевич вынул из кармана кожаной куртки сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его, продолжил:

– Вместе с заданием нам прислали очень интересный документ, имеющий к нам прямое отношение. Это директива начальника

штаба верховного командования вооруженных сил Германии Кейтеля командующим групп армий на Восточном фронте. Вот послушайте, что в нем говорится:

а) каждый случай сопротивления немецким оккупационным властям, независимо от обстоятельств, следует расценивать как проявление коммунистических происков;

б) чтобы в зародыше подавить эти происки, следует по первому поводу немедленно принять самые суровые меры для утверждения авторитета оккупационных властей и предотвращения дальнейшего расширения движения. При этом следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью;

в) действенным средством может быть только смертная казнь.

И опять до глубокой ночи не спали партизаны. Обсуждали происшедшие события, говорили о директиве Кейтеля, о положении на фронтах.

А было оно тогда очень сложным. Об этом с чувством беспокойства и тревоги говорили нам И. Большаков и В. Грузов. В разведотделе штаба армии, где они побывали недавно, много наслушались разного: говорили, что Ленинград часто подвергается массированным бомбежкам и обстрелу тяжелой артиллерии, что в городе произведено второе снижение продовольственных норм по карточкам. Фашисты стремятся форсировать Волхов, чтобы соединиться с финскими войсками на севере, замкнуть второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. Слышали и о том, что немцы находятся уже в 300 км от Москвы.

Горько и муторно было на душе от этих новостей. С тревогой в сердце засыпал я в ту сентябрьскую холодную ночь.

М. А. ГОНЧАРОВ,

полковник, в 1941 году – рядовой боец Киришского партизанского отряда

Газета в тылу врага

Народные мстители, партизаны, приняли самое непосредственное участие в разгроме гитлеровцев под Ленинградом, Новгородом, Киришами. В период наступления Ленинградского и Волховского фронтов партизаны уничтожили свыше 20 тысяч немецких солдат и офицеров, пустили под откос 133 воинских эшелона врага, разгромили 15 железнодорожных станций, разрушили 51 мост на железных дорогах и 247 – на шоссейных. В результате боевых операций партизан на железных дорогах 1 106 вражеских эшелонов не дошли до немецко-фашистских войск. (Из книги «Волховские партизаны»).

Но не только диверсиями и боевыми действиями занимались партизаны. Они постоянно вели массово-политическую работу среди населения, поддерживали у наших людей веру в неизбежную и скорую победу нашей армии, призывая их к борьбе против оккупантов.

Важную роль в этой работе играла печать. Газеты и листовки не только переправлялись в тыл через линию фронта. Они печатались непосредственно в оккупированных районах.

В конце 1942 года начали создаваться подпольные межрайонные центры, в которые включались и редакторы подпольных газет. Каждый такой центр был снабжен портативной типографией и рацией.

Редактором подпольной газеты Новгородского межрайонного центра был назначен Дмитрий Семенович Баталин, уроженец станции Посадниково, редактировавший до войны газету «Киришский колхозник» (после войны, с 1962 года, редактировал газету «Волховокие огни», скончался в 1965 году).

Передо мной дневники Д. С. Баталина периода деятельности подпольного центра в зоне немецкой оккупации. Дневники эти не претендуют на полное освещение всей деятельности подпольного центра, но, несомненно, они представляют определенный интерес.

Вот выдержки из дневника Д. С. Баталина.

* * *

На мою долю выпало выпускать для наших людей газеты, рассказывать правду о положении на фронтах.

16 декабря 1942 года

Знакомлюсь с новой печатной машиной. Она создана специально для партизанских отрядов. Вся типография умещается в походном вещевом мешке и весит не более 15 килограммов. Наборная касса вмещается в одном ящике. Учусь набирать. Получается очень медленно.

6 января 1943 года

Хлопоты. Хлопоты. Сегодня ночью летим. Будем приземляться на парашютах. Летим поодиночке. Я восьмой. Час ночи. Самолет отрывается от земли и набирает высоту. Летим на запад. Минут через сорок по команде летчика Исаева вылезаю на крыло самолета. Ветер пронизывает до костей. Команда – «Прыгай!» И я прыгаю.

Парашют раскрывается мгновенно. И вот земля. Снег глубокий и рыхлый, но под снегом вода: болото не промерзло. С тревогой всматриваюсь в темноту, но условленных костров не вижу. Я один. Где мои товарищи – не знаю. Тишина. Но она может быть обманчивой. Вблизи может находиться враг.

10 января

Седьмое и восьмое января ушли на поиски товарищей. Чего это стоило – передать трудно. Трудно сказать, сколько километров прокружил я по глубокому снегу с тяжелой ношей за плечами в незнакомых лесах, полных опасностей.

Встретились с товарищами только 9 января, когда уже стал совсем выбиваться из сил. От места приземления товарищей я оказался в семи километрах. При встрече мне поднесли кружку теплого вина. Я выпиваю ее и мгновенно засыпаю у костра.

12 января

Перебазировались на новое место. Слышен лай собак: близко дер. Бережки. Туда направляются наши разведчики. Даю им отпечатанное еще на базе сообщение Совинформбюро об окружении и начале разгрома немецких войск под Сталинградом.

13 января

Вернулись разведчики. Рассказывают, с какой неподдельной жадностью читали жители деревни наши листовки. Ведь немецкая пропаганда всячески старалась скрыть успехи наших войск. Даже об освобождении Великих Лук население не знало.

15 января

Набираю первый номер подпольной газеты. От шрифта коченеют руки. Если набирать газету на морозе трудно, то печатать еще трудней. Поднесешь валик с краской к огню – горит, отодвинешь – мгновенно стынет. С большим трудом к вечеру сумел отпечатать не более двухсот экземпляров.

А вечером всей группой пошли в деревню Стахово. Жители встретили с неописуемой радостью. Забрасывали вопросами, делились с нами последними продуктами. Ребята побывали на посиделках девушек. Все буквально набрасывались на маленький печатный листок.

18 января

Набираю очередной номер газеты. В ней сообщается волнующая весть – прорвана вражеская блокада Ленинграда. Мои товарищи – Данилов, Смирнов, Большов, ранее скептически относившиеся к маленькой газете, теперь торопят меня. «Знаешь, какая ценная весть, – говорит Данилов, – каждый такой листок прочитает по меньшей мере 25–30 человек. Да и не только прочитают, еще и другим расскажут. Значит, наши люди будут знать правду. Будут еще активнее бороться против фашистских захватчиков». Уходя в деревню, он захватил 50 экземпляров газеты.

23 января

Отпечатано 100 экземпляров очередного номера газеты.

29 января

Перебрались на новое место. Обживаем новый «дом». Из найденных в лесу сухих березовых плашек соорудили нечто вроде юрты. Удобно и тепло. С утра и до вечера занят газетой. В походе весь наборный шрифт перемешался: вот и отыскивай теперь каждую букву в таком хаосе.

30 января

Завершил выпуск второго номера газеты для Шимского района. Для подпольных газет были сохранены их довоенные названия. Заголовки газет были заранее отпечатаны на базе. Таким образом, население получало привычную ему газету, хотя и очень маленького формата.

2 февраля

Вечер. Идем в ближайшую деревню. У каждого из нас очередной номер газеты с сообщением о разгроме немцев под Сталинградом. Газета нарасхват. И вот интересная деталь. В одном из домов заявили, что газету они читали раньше, что принесли ее им из одной деревни за 30 км отсюда. Значит, работает «почта» на оккупированной земле. А ведь каждый из этих «связистов» рискует жизнью.

4 февраля

На лагерь нашей подпольной группы напал большой отряд карателей. Группа вынуждена уходить, постоянно меняя направление отхода, запутывая следы. Нужно во что бы то ни стало оторваться от врага, уйти от него. Это удалось только 8 февраля.

Невероятно тяжелой и опасной была работа подпольщиков. Но она окупалась тем, что живое, правдивое слово вдохновляло на борьбу наших людей, оказавшихся во вражеской оккупации, давало им новые силы. И эти силы с каждым днем росли и множились, пока не одержали полную победу над проклятыми захватчиками. Ради этого стоило переносить любые тяготы и невзгоды.

Д. С. БАТАЛИН,

редактор газеты «Киришский колхозник»

НА ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН?..

...Противник произвел сильный артналет из артиллерии и минометов для обеспечения своей разведки с направления Ларионов Остров и Посадников Остров, выпустив из 105 мм и 150 мм орудий до 800 снарядов, а также мин.

Под прикрытием такого сильного огня группа противника до взвода, приблизившись к нашему переднему краю, была отбита нашим огнем и, понеся потери, отошла в свое расположение, оставив несколько убитых, из которых один офицер.

(Архив Минобороны СССР, ф. 311-й с.д.).

(По телеграфу.) В этот час на огневой точке находились три советских воина – Андросов, Никифоров и Михайлов... Они заметили, что до трех десятков вражеских разведчиков пытаются скрытно подобраться к огневой точке. Известив об опасности гарнизон соседнего дзота, Андросов, Никифоров и Михайлов вступили с немцами в бой...

Умелые действия советских воинов принесли успех. В первые же минуты схватки три смельчака нанесли фашистам значительный урон. Отпор наших воинов оказался настолько крепким, что немецкие разведчики стали поспешно отходить. В этот момент из соседнего дзота ударил по немцам станковый пулемет. Гитлеровцы оказались отрезанными от своих позиций и в панике разбежались, побросав автоматы, пистолеты и гранаты. Среди убитых гитлеровцев оказался офицер.

(Газета «Фронтовая правда» Волховского фронта, № 254).

...28 сентября 1943 года. Один из дней, когда в военных сводках писалось: «На фронте – без перемен». Мы, артиллеристы первой батареи 371-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 311-й стрелковой дивизии, с двумя 45 мм пушками, приданными стрелковому батальону, находились в 12–13 км севернее

пос. Кириши. Нам поручили держать оборону в двух огневых точках – дзотах, отстоящих друг от друга на 250–300 м.

За два года здесь была создана значительная оборонительная полоса в виде сплошного дерево-земляного забора с системой дзотов, лесных завалов, минированных полей, опоясанных рядами проволочных заграждений. Цели были хорошо пристреляны. Орудия полковой и противотанковой артиллерии выдвинуты в боевые порядки пехоты для стрельбы прямой наводкой, а сами орудийные расчеты становились практически гарнизонами огневых точек – дзотов.

Протекали обычные фронтовые будни. Если позволительно говорить о «распорядке дня», то он выглядел примерно так: в дневное время – редкая артминометная перестрелка или пристрелка целей, ночью – методично повторяемые взаимные ружейно-пулеметные очереди, усиливающаяся перестрелка к утру.

28 сентября на рассвете была организована огневая разведка, к сожалению, не увенчавшаяся успехом. Обе наши пушки участвовали в ней с запасных позиций.

Примерно в одиннадцатом часу я, будучи старшим на батарее и начальником гарнизона дзота, приказал расчетам идти за орудиями и установить их на основных позициях. На огневой точке мы остались трое: командир второго огневого взвода лейтенант Дмитрий Никифоров, командир первого огневого взвода лейтенант Иван Андросов и командир орудия старший сержант Михайлов (имя забыл).

Около половины двенадцатого вдруг со стороны противника «заиграл» шестиствольный миномет, который у нас называли «ишаком» за характерный звук, напоминавший рев осла. Этот залп оказался сигналом к началу мощной артиллерийской подготовки из десятка стволов. Применялись и бризантные снаряды (шрапнели). Вмиг все кругом загрохотало и закачалось.

Мы вынуждены были уйти в укрытие. Сидели и думали: с чего бы это взялось? Неужели немцы готовят наступление? Не может быть. В 1943 году у них уже была кишка тонка. Скорее всего хотят провести разведку.

Так и есть. После 15-минутной «молотьбы» артогонь внезапно перенесен на фланги и тылы. Что это – отместка за утреннюю нашу

разведку или заранее задуманная вылазка? Раздумывать было некогда. С автоматом выскакиваю из землянки, на ходу подаю команду:

– Занять оборону!

Мои боевые друзья с полуслова понимают, что надо делать. Быстро занимаем свои «рабочие места». Михайлов – с тыловой стороны дзота, Никифоров – у пулеметной амбразуры, направленной в сторону противника, я – у правой боковой амбразуры. Еще в период артподготовки мы заметили, что именно здесь, напротив этой амбразуры, немецкий тяжелый снаряд разбил наш бревенчатый оборонительный забор.

Силы врага нам, разумеется, неизвестны. Но зато мы знали немецкую систему огневой разведки: захватывающая группа, группы усиления и поддержки у них обычно составляли до трех десятков человек. Значит, соотношение сил – 30:3.

Десятикратное численное превосходство! Но, признаться, в ту минуту нам было не до арифметики. Главное, не выдать, что нас всего трое, действовать немедленно и решительно.

Через амбразуру я увидел группу немецких разведчиков, человек 6–7, в маскировочных халатах. Идут пригнувшись, обходят дзот с тыла. Я крикнул Михайлову: «Смотри в оба!» и взял на мушку ведущего, дал длинные скользящие очереди. Успел заметить, как немец, неловко взмахнув руками, рухнул наземь. Упали и остальные, но убиты или нет, не знаю. Может быть, просто залегли. Больше ничего не вижу – впереди высокая трава, стена деревьев. Продолжаю вести непрерывный огонь из автоматов, благо их у нас немало – часть бойцов оставила их, уходя за орудиями.

Старший сержант Михайлов тоже ведет огонь из автомата и бросает гранаты в вероятном направлении подхода немцев к нашей позиции. Он их не видит из-за наката землянки. Но его действия правильны: они срывают обходный маневр врага. Никифоров тоже действует уверенно: то даст длинную очередь из пулемета, то подбежит помогать мне.

Бой не ослабевает. И мы понимаем: поскольку враг имеет численное превосходство, нам инициативу упускать ни в коем случае нельзя.

Продолжаю вести огонь из своей амбразуры. Вдруг чувствую: что-то очень горячее обожгло правую щеку. И тут только замечаю,

как в амбразурную клетку впиваются автоматные очереди. Инстинктивно отвожу голову от амбразуры.

Вот уже пятнадцать минут идет напряженный бой. Но мы все еще одни, подкрепление пока еще ниоткуда не идет. Наши солдаты, видимо, где-то залегли во время артобстрела. Замечаю, что Никифоров нервничает, он весь красный от напряжения. Не могу сказать, какой вид у меня был тогда. Но мысли были сосредоточены только на одном, ни о чем постороннем не думалось. Спокойным кажется Михайлов. Он действует свободно, временами оборачивается в нашу сторону, как бы справляясь о нашем самочувствии.

– Ну, почему же помощь не идет? – вдруг спрашивает Никифоров. Я, насколько мог, спокойно отвечаю:

– Как не идет! Вот-вот подойдут наши!

И верно: справа заработали расчеты двух станковых пулеметов. Там стрелковый взвод младшего лейтенанта Окулова. Правда, пулеметчики не видели немцев: все-таки расстояние 300 м да плюс лес, их огонь не был прицельным. Но и это было большой помощью для нас. Говорю Никифорову:

– Слышишь, как соседи помогают? Иди, Дима, не волнуйся.

В это время раздается сильный взрыв, что-то тяжелое ударяет по той амбразуре, к которой только что подошел Никифоров. Ору: «Дима!», бросаюсь к нему на помощь. К счастью, все обошлось благополучно, его не задело. Но амбразура разрушена, ее завалило бревнами. Это работа немецких гранатометчиков. Вижу, Дмитрий с пулеметом собирается выбраться наверх, чтобы оттуда вести огонь. Это безумство, его моментально срежут.

– Ты что делаешь? – кричу. – Не дури! Лучше возьми гранаты!

Он все понимает с полуслова и делает правильно: одну за другой бросает в немцев лимонки.

И тут вижу: диски все расстреляны. В свой автомат вставляю последний диск. Показываю Никифорову на нишу с патронными ящиками и швыряю туда пустые диски. Через три-четыре минуты из ниши в мою и Михайлова стороны летят заряженные диски.

Наконец напряженность боя, продолжавшегося почти 25 минут, ослабевает. Противник молчит. Замолкли и «максимки» соседа. Мы продолжаем, правда, несколько умереннее, обстреливать те участки, где могли бы залечь фашисты. От своих мест не отходим. Ждем

минут десять-пятнадцать. Затем, оставив на огневой точке Михайлова, мы с Никифоровым осторожно выходим из своего дзота, держа автоматы наизготовку. Для убедительности даем «прочесывающие» длинные очереди по подозрительным местам.

Натыкаемся на первые трупы немцев. Их шесть. Идем дальше. Подходим к месту пролома в оборонительном заборе. Кровавая тропка, помятая трава. Здесь уносили раненых.

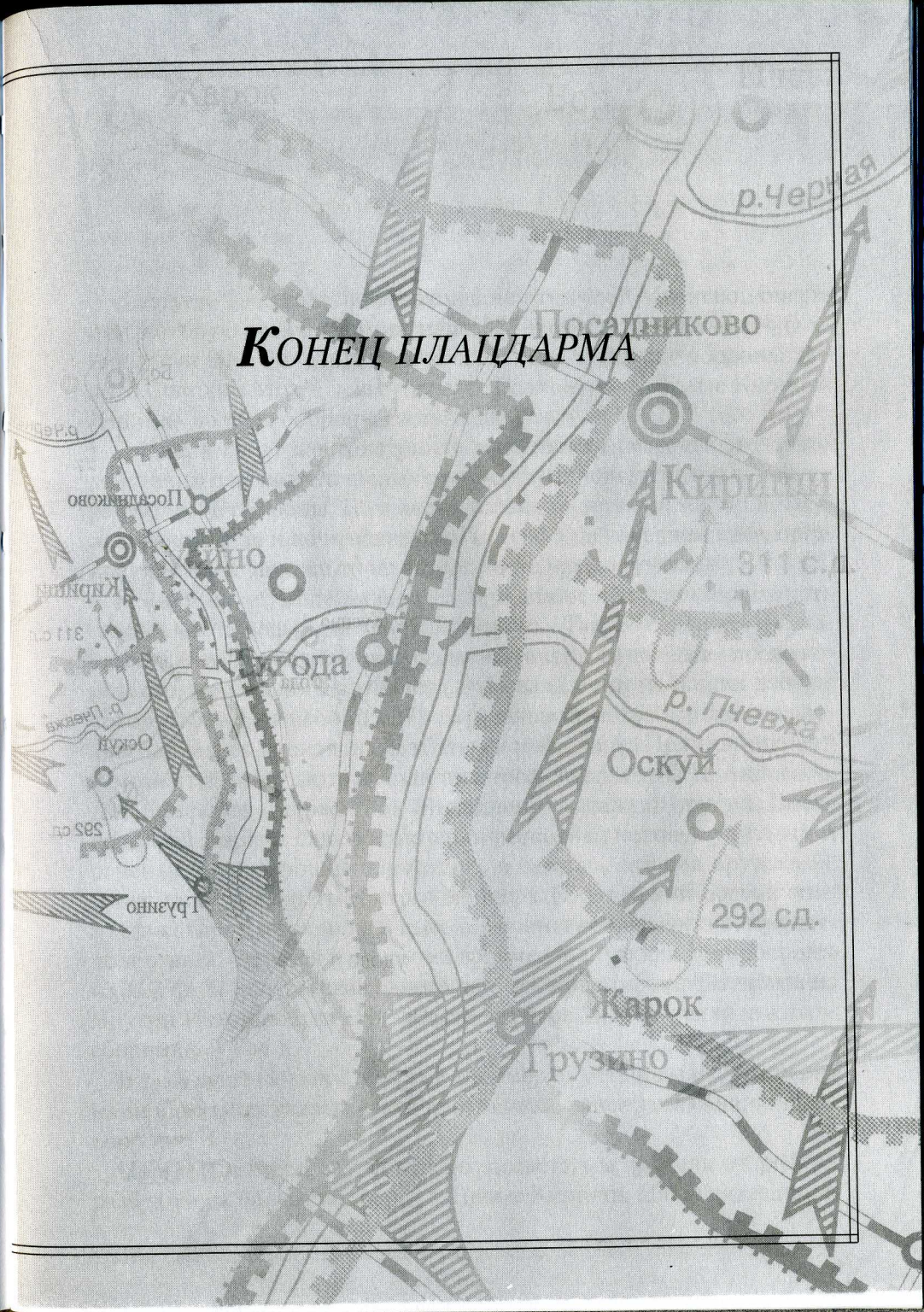
Вскоре к месту боя подошла группа офицеров во главе с командиром полка. Он горячо обнял нас, поздравил с успехом, приказал начальнику штаба полка оформить на нас наградные документы.

В этом бою немцы потеряли убитыми шесть человек и ранеными пять. Достоверность этих данных выяснилась спустя несколько дней, когда наша дивизия пошла в наступление за ликвидацию Киришского плацдарма. У убитого немецкого капитана, начальника разведки пехотного полка, был обнаружен дневник, в котором с горечью упоминаются потери в бою 28 сентября.

И. Г. АНДРОСОВ,

лейтенант, командир огневого взвода 371-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 311-й стрелковой дивизии

Конец плацдарма

Конец плацдарма

В августе 1943 года, после окончания тяжелой Мгинской операции, которую вела 8-я армия, наша 311-я стрелковая дивизия, сменив части 80-й дивизии, заняла свою старую полосу обороны: болото Соколий Мох – левый берег р. Волхов под с. Новые Кириши. Ширина полосы обороны составляла 24 км.

Дивизия сразу же приступила к активным разведывательным действиям с целью уточнения состава группировки противника перед полосой обороны. Начальник разведки дивизии майор Е. Шуляковский день и ночь находился в полках на переднем крае, организуя ночные поиски то на одном, то на другом участке.

Но немцы не бездействовали. Они также пытались прощупать слабые места нашей растянутой обороны. Так, 28 сентября на участке 1069-го полка немецкая разведка (около 40 человек) после короткого, но мощного артналета атаковала один из наших дзотов, который обороняли бойцы 371-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона (из батареи лейтенанта Прянишникова). В момент атаки в дзоте находились трое: лейтенанты И. Андросов, Д. Никифоров и сержант П. Михайлов – командир орудий. После короткой жаркой схватки, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, гитлеровцы обратились в бегство, оставив оружие, не успев даже подобрать убитого офицера. (Этот яркий боевой эпизод, в котором проявились высокое воинское мастерство, мужество и отвага, отражен в одном из документов Архива Минобороны СССР, ф. 311 сд, рассказ одного из героев этого боя лейтенанта из Якутии И. Андросова «На фронте без перемен?. . » читайте в этом сборнике. – *Ред.*).

В результате наших поисков мы твердо установили, что перед нами находятся старые части противника, ранее занимавшие здесь оборону.

Но вот 3 октября, за два часа до рассвета, мы провели очередной разведпоиск на участке перед с. Новые Кириши. Наши разведчики

удачно проникли в траншею противника и уничтожили расчет пулемета. Забрав документы у убитых и одного тяжелораненого немца, разведчики вернулись в свою траншею.

Мы с Шуляковским находились на переднем крае и наблюдали за действием поисковой группы. Просмотрев при свете карманного фонаря трофейные документы, мы установили, что они принадлежат солдатам охранного батальона. Сразу же встал вопрос: перед всей ли полосой обороны дивизии произведена смена немецких частей? И куда девалась пехотная дивизия, ранее оборонявшаяся на этом участке?

Пока мы изучали документы убитых и задавали себе эти вопросы, стремясь разгадать причину появления охранных войск на одном из участков нашей обороны, на востоке чуть забрезжил рассвет. Вдруг мы услышали довольно сильный взрыв в тылу обороны противника. Тут же увидели клубы дыма, стелящиеся над железнодорожным мостом через Волхов, по которому немцы обычно в темноте перебирались на плацдарм с западного берега. Мост этот был подорван в 1941 году, но немцы, проложив балки и настилы между взорванными пролетами, продолжали использовать его для пешего передвижения. После взрыва мы подумали, что противник решил пожертвовать своим плацдармом на правом берегу Волхова, который упорно удерживали в течение двух лет, и вывести оттуда свои части для переброски на другие направления.

Напрашивалась мысль, что враг, оставив плацдарм на правом берегу и заменив на левом берегу пехотную дивизию охранными частями, собирает силы для какой-то новой вылазки.

Таким образом, в полосе обороны нашей дивизии и тем более соседа – 4-й армии обстановка резко менялась. Нужно было действовать быстро. Единственно правильным решением было бы всеми наличными силами прорвать оборону противника, еще не успевшего закрепиться.

Нам до этого не приходилось драться с охранными частями. Но, судя по результатам только что проведенного разведпоиска, я был уверен, что мы с охранниками разделаемся довольно легко. Главное – не медлить.

Я быстро связался с командующим 54-й армией С. Рогинским и подробно доложил ему обстановку и свое решение.

– Пока ничего не предпринимайте, я переговорю с командующим 4-й армией и доложу командующему фронтом. Ждите звонка, – ответил Рогинский.

Примерно через полчаса он вызвал меня к телефону.

– В 4-й армии о взрыве настила моста и об оставлении плацдарма ничего неизвестно. Проверьте еще раз, так ли все, как вы докладываете.

Я с волнением и досадой ответил:

– Все, что я вам доложил, соответствует действительности. Я лично видел, как был взорван настил моста, а документы убитых час назад гитлеровцев у меня на руках. Нужно немедленно прорывать оборону, пока охранные батальоны не успели освоиться на новом месте. Прошу разрешить мне немедленно приступить к организации прорыва обороны противника.

Разговор прервался. Мы не уходили из траншеи, ожидая звонка командующего армией. Нам было о чем подумать. Нужно было решить, как лучше на таком широком фронте организовать и провести прорыв обороны противника силами одной дивизии да еще недостаточно укомплектованной людьми после тяжелых боев подо Мгой. Гитлеровцы два года оборонялись на этом рубеже, соорудили здесь сотни дзотов, произвели сплошное минирование переднего края, установили противопехотные заграждения в виде проволочных заборов на высоких и низких кольях, спирали «Бруно», «спотыкачи» и прочие ловушки. К тому же стояла дождливая осень, превратившая и без того труднопроходимые дороги в сплошное месиво грязи.

Наконец раздался долгожданный звонок. Командующий внял моим настойчивым просьбам и, взяв ответственность на себя, разрешил действовать.

– Организуйте передовые батальоны от полков и действуйте ими. Главные силы держите в обороне и смотрите в оба, – сказал генерал Рогинский и пожелал успеха.

Теперь все зависело от нас, от нашей расторопности и умения быстро и надежно организовать наступление передовых батальонов.

В целях внезапности решено было атаковать без артиллерийской подготовки. За 30 минут до атаки передовые батальоны, пользуясь

темнотой, скрытно как можно ближе выдвигаются к переднему краю противника с тем, чтобы одним броском, без крика «ура», ворваться в траншею врага. Начало атаки в 5 часов.

Весь день 3-го октября и всю ночь перед атакой в дивизии и полках готовились к бою. Работы было много. Надо было довести боевую задачу до исполнителей, проделать в минных полях проходы, подтянуть артиллерию и многое другое, чтобы атака была успешной, причем все это скрытно.

В 5 часов утра усиленные передовые батальоны полков бесшумно поднялись и, используя проходы в минных полях, проделанные саперами за ночь, бросились в атаку. Противник был захвачен врасплох, у него возникло замешательство и паника. Немцы бросили пулеметы, установленные в дзотах, и побежали по ходам сообщения. Только через несколько минут фашисты, находившиеся в промежутках между атакованными частями, подняли беспорядочную стрельбу. Однако роты передовых батальонов, не останавливаясь в занятой траншее, продолжали продвигаться вперед.

Подразделения капитанов Ф. Евтушенко, С. Цветкова, А. Царева и Н. Свиридова, вырвавшись вперед, стремились обойти с флангов отходивших фашистов. Но вязкая грязь и сплошные минные поля тормозили продвижение. Командующий 54-й армией, понимая мое тяжелое положение, прислал мне артиллерийский гусеничный тягач. Однако и арттягач оказался негоден в этих условиях и очень быстро вышел из строя. Выручил «виллис», присланный командующим фронтом.

К исходу первого дня наступления частями дивизии были освобождены Новые Кириши, Большое и Малое Мерятино, Осташкино, Дуброво. Мы вплотную подошли к Ларионову Острову. Мирного населения ни в одной из этих деревень, ни вблизи не оказалось.

Обе стороны понесли большие потери. Но дивизия оставалась вполне боеспособной. Несмотря на потери товарищей и очень большую усталось, настроение бойцов было приподнятое.

На следующий день с рассвета, после короткого артналета, полки снова пошли в атаку. На правом фланге дивизии наступал 1069-й стрелковый полк, в центре – 1067-й, на левом фланге – 1071-й полк.

В этот день немцы, не имея хороших позиций и боясь обходов, не проявляли особого упорства, и наши части сразу же начали продвигаться вперед. К исходу дня удалось освободить деревни Посадников Остров и Ирса, ж/д станции Посадниково и Ирса.

Продвигаясь с боями вглубь обороны противника, мы видели результаты боевой работы дивизии и других частей 54-й армии: возле каждой деревни натыкались на кладбища врага. Под деревней Мягры на большой площади по обе стороны грунтовой дороги были расположены три кладбища по 700 могил на каждом. На каждой могиле стоял крест с каской на нем.

6 октября, на третий день боя, дивизия, преодолевая упорное сопротивление, освободила дер. Драчево и Мягры и под сильным артиллерийским огнем противника подошла к дер. Жар и Березовик. С начала наступления мы продвинулись на 20–25 км и подошли ко второй оборонительной линии гитлеровцев. Здесь фашисты укрепили оборону массивными дзотами, хорошо оборудованными траншеями полного профиля, проволочными заграждениями в 5–6 кольев. Вся полоса перед передним краем была плотно заминирована.

Несколько дней мы изучали обстановку, вели разведку с целью захвата «языка». На отдельных направлениях пробовали прорывать оборону противника уже при поддержке танков. Но было видно, что одной дивизией здесь не справиться: сил было мало.

Вскоре нас сменила 198-я дивизия. Она заняла оборону на достигнутом нами рубеже. Наша дивизия была выведена из боя в район деревни Дружево для пополнения людьми и подготовки к очередной операции в районе Новгорода.

За ликвидацию Киришского выступа более 100 воинов дивизии были награждены орденами и медалями, в том числе и я получил орден Красного Знамени.

Б. ВЛАДИМИРОВ,

командир 311-й стрелковой Двинской Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени дивизии

ПРОЩАНИЕ С КИРИШСКОЙ ЗЕМЛЕЙ

В начале октября 1943 года, когда противник начал покидать Киришский плацдарм, я отправился на передний край, чтобы посмотреть и сфотографировать оборону врага, которую он совершенствовал в течение двух лет.

Между дер. Тухань и с. Новые Кириши проходила нейтральная зона и начинался немецкий передний край. Его пересекал тракт Чудово – Волхов, по которому не ходили и не ездили целых два года. Тракт был пересечен траншеями, лесными завалами, противотанковыми надолбами, колючей проволокой и минными полями.

Обезвреженные мины разного назначения были уложены в кучи. Около них надписи: «Опасно, мины!». Колючая проволока вместе с кольями лежала запутанными ржавыми кольцами по обе стороны тракта. Зигзагообразные траншеи глубиной в два метра уходили вправо и влево от дороги. Откосы траншей и ходов сообщений облицованы жердями и кольями. Огневые точки в траншеях располагались через каждые 50–100 м. Все они были выложены кирпичом, взятым от разобранных домов и церкви, которая стояла при въезде в Новые Кириши, со стороны дер. Тухань. Около каждой огневой точки лежали огромные груды пустых гильз разного калибра и нераспечатанные ящики с патронами.

В Новых Киришах не осталось ни одной постройки, ни одного забора. А ведь это был районный центр – несколько сот домов. Сплошным бурьяном покрылись улицы и усадьбы. Ни птиц, ни животных, ни людей. Может быть, нам не так тяжело было бы смотреть на это опустошение, если бы мы не видели это село до прихода фашистов.

При подходе со стороны Чудова противник вымостил дорогу бревнами. Дорога шириной 6–8 м была добротно и прочно сделана: видимо, ее готовили к новому наступлению. Но врагу пришлось использовать ее для поспешного отступления.

Пройдя один поворот, я остановился как вкопанный: по ту и другую стороны этой деревянной дороги было расположено огромное немецкое кладбище с тысячами могильных крестов, уходящими прямыми линиями на юг – к Чудову, на восток – к р. Волхов и на запад – к Ларионову Острову.

На воротах одного из кладбищ наши солдаты, первыми проходившими здесь, прибили большой лист фанеры с надписью: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет земля русская». А чуть пониже, под чертой, другой комментарий: «Мусорная свалка истории». Да, дорого заплатили фашисты за Кириши. Только на протяжении 3 км в – от Киришей до Ларионова Острова – я обнаружил семь фашистских кладбищ, много тысяч могил.

И, как ни печален их конец, никто не выскажет сожаления, никто никогда не вспомнит их хорошим словом, не подойдет к их могилам. В боях за рядовое русское село фашисты потеряли около десяти тысяч солдат и офицеров. (Примерно столько же они потеряли убитыми при захвате Польши в 1939 г.).

В начале октября перестал существовать Киришский плацдарм, занимавший в планах немецкого командования очень важное место.

Вскоре наша 311-я дивизия передала свои позиции 198-й стрелковой дивизии, и на ст. Андреево и Глажево мы начали грузиться в железнодорожные эшелоны. Мы уезжали с киришской земли, выбывали из подчинения 54-й армии, с которой сроднились, но оставались в составе Волховского фронта.

Киришская земля стала священной для нас, кировчан. Шестьсот дней и ночей мы вели здесь тяжелые бои. Много полегло здесь наших парней.

...Поезд тронулся. Мы стояли в проеме открытых дверей с обнаженными головами – прощались с киришской землей, прощались с нашими товарищами, которые остались лежать в ней навечно.

Д. Ф. ОНОХИН,

в 1941–1943 годах – сержант, фотокорреспондент газеты «За Родину» 311-й стрелковой дивизии

На бывшем поле боя

В 1941–1943 годах (период боев под Тихвином и на Киришском плацдарме) Д. К. Жеребов командовал 539-м отдельным минно-саперным батальоном, в 1943–1944 годах – помощник начальника штаба инженерных войск Волховского фронта по разведке. Его публикации в журналах и газетах, в том числе и в «Киришском факеле», помогли восстановить картину боевых действий на территории Киришского района, определить место их и значение в системе операций Волховского фронта, а также Ленинградской битвы.

Киришский плацдарм... Два года противник удерживал его с фанатичным упорством. Два года воины 4-й и 54-й армий вели упорные бои по ликвидации этого плацдарма на восточном берегу реки Волхов. И вот теперь враг вынужден оставить его и весь Киришский оборонительный район. Это результат нашей Мгинской операции июля-августа 1943 года, в ходе которой были перемолоты последние резервы противника под Ленинградом и на Волхове.

Утром 3 октября 1943 года я получил приказание от начальника инженерных войск Волховского фронта А. Ф. Хренова:

– Поезжайте немедленно в 54-ю армию. Наши части столкнулись с очень сильными минными заграждениями противника. Уточните обстановку. Видимо, нам придется усилить армию, чтобы быстро разминировать освобождаемую местность. Обязательно побывайте на Киришском плацдарме. Нам надо до конца понять, почему мы так и не смогли сбросить с него врага.

К вечеру я добрался до штаба инженерных войск 54-й армии. Начальник штаба подполковник Ф. И. Марчак без предисловий предложил:

– Прочти донесение дивизионного инженера 80-й стрелковой дивизии.

Донесение было лаконичным: «Противник на рассвете 3 октября оставил часть своего рубежа. Выявлено, что все дзоты заминированы минами различных типов. Все они подготовлены к взрыву

при помощи сетки детонирующего шнура. Проявляя осторожность, минеры сняли всю сеть и обезвредили мины противника».

– Как обстановка перед остальными дивизиями? – спросил я.

– Созданы отряды преследования, – доложил подполковник. – Видимо, сегодня ночью начнется наступление и преследование противника. По данным разведки, враг сменил основные части на свои охранные батальоны.

В ночь на 4 октября 1943 года противник полностью покинул плацдарм и произвел дополнительные разрушения железнодорожного моста через Волхов, начал отходить к р. Тигоде. Немцы отходили с Киришского выступа до 8 октября. Наши войска, организовав подвижные отряды, преследовали врага. Наша фронтовая авиация наносила бомбовые удары.

Преследование шло по отдельным маршрутам, как правило, вне дорог, густо заминированных противником. Внимательно рассматривая один из зарядов на жердевой дороге, мы установили, что он был заложен противником под бревна еще в 1942 году – еще при строительстве этой дороги. Значит, враг уже тогда предусматривал возможность своего отступления с этих рубежей.

По приказанию генерала А. Ф. Хренова, в полосу наступления 54-й и 4-й армий было направлено еще несколько саперных батальонов. Значительную помощь войскам оказывали «осаперенные» рядовые и сержанты всех родов войск. Работы было много. Только в полосе наступления 311-й стрелковой дивизии за период с 7 по 24 октября было снято или подорвано более 10 тысяч различных мин и фугасов.

Особенно много встречалось мин-«сюрпризов». Ими были буквально напичканы все оборонительные сооружения, дороги, территории разрушенных населенных пунктов, колодцы, мосты, железная дорога. Часть мин была установлена с элементом неизвлекаемости. Встречались мины замедленного действия, с часовыми взрывателями со сроком срабатывания от 12 часов до 6 суток. Все они были установлены на дорогах, на перекрестках, в убежищах и блиндажах.

Не все эти мины до конца выявлены и уничтожены. Болота и леса бывшего Киришского выступа все еще хранят в себе смертоносные боеприпасы.

6 октября 1943 года мне довелось одному из первых ступить на Киришский плацдарм противника на правом берегу Волхова. Взяв с собой собаку-миноискателя, мы с командиром взвода 359-го отдельного батальона направились на правый берег реки Волхов. Плацдарм был пуст.

Осторожно шли мы с собакой по дорожкам плацдарма. Собака часто сворачивала в сторону, тянула за собой сапера-проводника, садилась на землю. К этому месту подходил второй сапер с миноискателем и, как правило, обнаруживал мину противника.

Мы обошли плацдарм. Все здания промышленных предприятий, жилые дома пос. Кириши были разрушены. Подошли к развалинам химкомбината – к тем самым, к которым 21 июля 1942 года с таким упорством пробивались пехотинцы 44-й стрелковой дивизии, танкисты 7-й гвардейской танковой бригады, саперы 539-го батальона. Осматривая развалины, мы поняли, почему нам не удалось тогда выбить противника с плацдарма.

Все подвалы разрушенных зданий были превращены в мощные убежища. Усилив перекрытия подвалов сверху дополнительными металлическими балками, подперев их снизу стойками, немцы подорвали и обрушили на подвалы кирпичные стены зданий. Образовались перекрытия, которые ни наши снаряды, ни бомбы не пробивали. Здесь-то и отсиживался вражеский гарнизон во время нашей артиллерийской обработки.

По всему переднему краю плацдарма был построен либо боевой дерево-земляной забор, либо отрыта траншея глубиной 1,5–1,7 м. Все пять километров переднего края прикрывались противотанковыми и противопехотными минными полями и колючей проволокой. В глубину обороны к опорным пунктам в деревне Плавницы и в районе химкомбината шли ходы сообщения. На плацдарме было много дзотов и площадок для противотанковой артиллерии. Свои и наши танки, застрявшие или подбитые в районе переднего края плацдарма, противник использовал как неподвижные огневые точки.

С 18 по 19 октября команда из 798-го отдельного артиллерийского дивизиона РГК с артиллерийской точностью составила схему и альбом инженерно-оборонительных сооружений врага.

Бережно храню этот уникальный альбом, который передал мне полковник К. А. Седаш, бывший командир 2-й артиллерийской ди-

визии. И всякий раз, бывая в Киришах, с удовлетворением отмечаю, что на месте бывших оборонительных сооружений поднимаются стройки нового г. Кириши.

Мы, ветераны боев, радуемся трудовому подвигу его жителей.

Д. К. ЖЕРЕБОВ,

полковник, Почетный гражданин г. Кириши

Кириши освободили. Теперь – на Чудово!

В январе 1944 года войска Волховского фронта полностью очистили территорию Киришского района от немецко-фашистских захватчиков. Наша 44-я стрелковая дивизия после более двухлетних кровопролитных боев под Киришами, успешно развивая наступление, пыталась с ходу опрокинуть оборону немцев под городом Чудово и освободить его.

Но сделать это не удалось. Фашисты прочно укрепили подступы к городу с восточной стороны, особенно прочной у них была оборона в районе железнодорожного вокзала. Оборона прикрывалась плотным артиллерийским огнем. Атакующие подразделения несли большие потери под огнем противника. И тогда командование дивизии решило обойти оборону немцев и ударить по ним с запада, откуда они не ожидали нашего наступления.

Морозной ночью 3-й батальон 25-го стрелкового полка отвлекающим маневром, скрытно, по лесисто-болотистой местности, начал обходить Чудово. Это был тяжелый, изнурительный рейд по тылам немцев. Усталые от длительных маршей и бессонницы, солдаты с трудом продвигались по бездорожью и глубокому снегу. Шли без отдыха и привалов. Курить и разговаривать было нельзя, так как опасались, что нас обнаружат раньше времени.

Со своим взводом я шел в боевом охранении батальона. Мы первыми вышли на шоссе Ленинград–Москва, недалеко от переезда через железную дорогу, и стали ожидать выхода на дорогу остальных подразделений батальона. В это время заметили какое-то движение за переездом, послышались слова команды, и большая группа немцев, около ста человек, пошла на нас в атаку. Стреляя на ходу, ругаясь по-русски (после мы узнали, что немцы шли в атаку вместе с власовцами), они плотной толпой приближались к нам по дороге. Подпустив на 50–60 м, мы открыли по ним огонь из автоматов и ручного пулемета. Передние ряды атакующих были срезаны нашим огнем, задние повернулись и бросились бежать

за переезд. Мы пошли на преследование и завязали бой на улицах Чудова.

Появление нас в городе было неожиданным для фашистов, началось паническое бегство. На улицах города были брошены повозки, машины, мотоциклы с награбленным имуществом.

К рассвету г. Чудово был полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков. За освобождение этого города 44-й стрелковой дивизии было присвоено почетное наименование Чудовской.

П. Т. ГАВРИКОВ,

ветеран 44-й стрелковой дивизии

Мой город

Тебе, уютный добрый город,
Я посвящаю этот светлый гимн.
Гляжу я на тебя влюбленным взором,
Мой город Кириши, восставший из руин.
Ты разреши твоим назваться братом:
Ведь в облике твоем – мои мечты.
В том радостном победном сорок пятом
Родился я. И вновь рождался ты.
Своим трудом залечивая раны
И с каждым годом набираясь сил,
Шагая с веком в ритме, неустанно
Ты жизнь и радость людям приносил.
Я славлю тех, не рвется кто в герои,
Но, превращая труд свой в мир чудес,
Кто у седого Волхова построил
Завод-гигант и гордость нашу – ГРЭС.
В размахе стройки, в устремленьи нашем
вперед!
Тебе я бесконечно рад.
И все ж тебя хочу увидеть краше,
Родные Кириши – ровесник, друг и брат.

И. БОНДАРЬ

Вечный огонь

Скорблю у Вечного огня,
Склоняясь ниц, кладу поклоны:
Вот здесь лежит моя родня,
А дома – пачка похоронных.
И нет фамилиям числа.
И лишь венки у изголовья.
И помню: здесь война была...
И память нитью из суровья
Ведет меня к передовой –
Здесь бой неравный шел когда-то.
Зеленый лес шумит листвой,
Напоминая об утратах,
Калина горькая в цвету.
И наливается рябина.
Я подвиг предков свято чту:
Отец здесь жизнь отдал за сына,
И мстил врагу за брата брат,
И многих среди нас не стало.
И в этом я не виноват,
Что не забыть войны начало.

А. БЕРЕЖКОВ

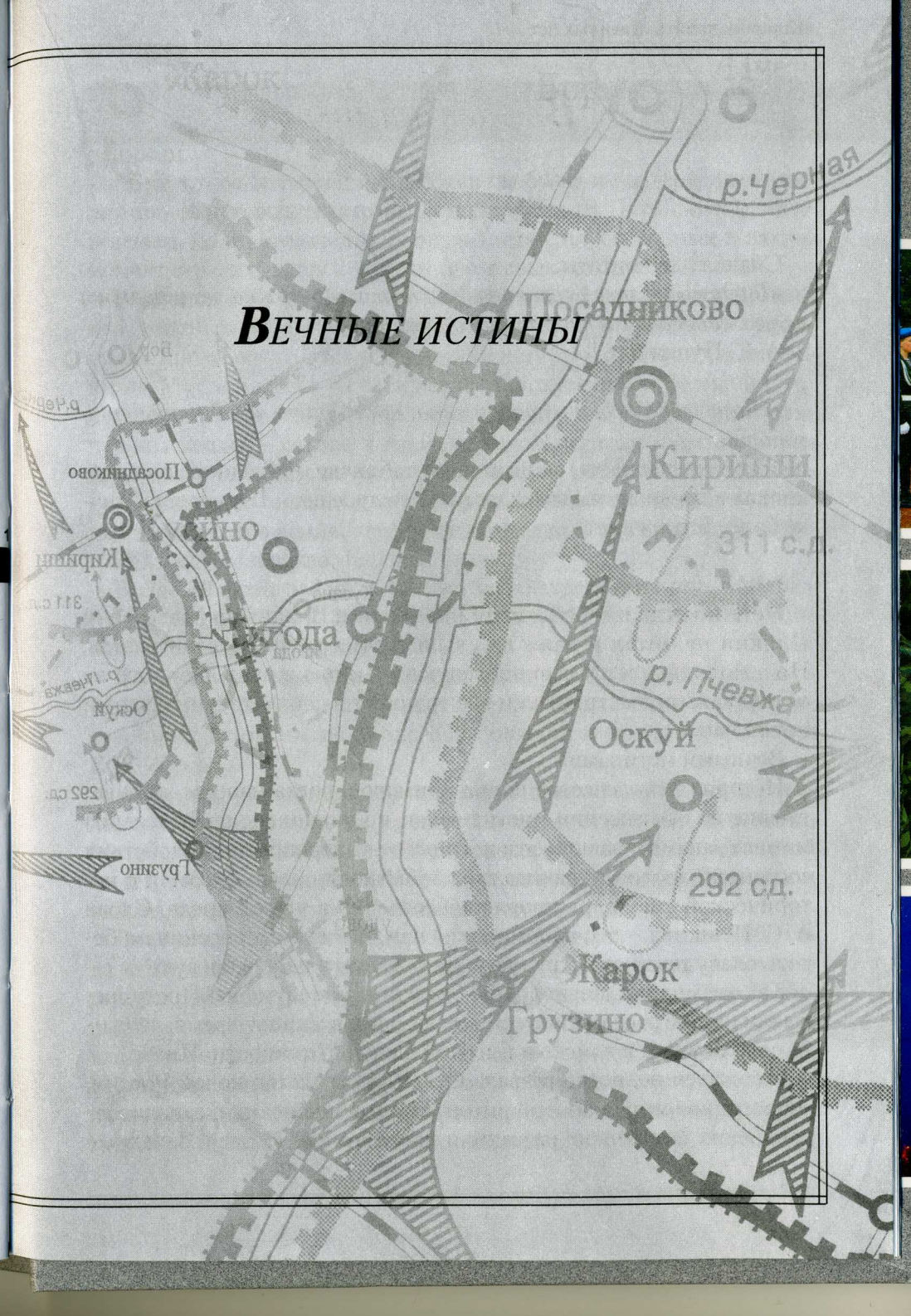
У мемориала

На въезде в Кириши – руины заводские,
Обломки стен, фундаменты машин.
Стоят они – свидетели немые
Лихих, незабываемых годин.
Сюда с душевным трепетом, с волненьем,
В метель и стужу, вешним ясным днем
Приходят люди разных поколений
С единой болью, с думою одной.
Стоят безмолвно пред мемориалом
Старушка-мать, солдатская жена...
А со стены немеркнущим металлом
Горят героев павших имена.
Читая список длинный, как молитву,
Мать замирает вдруг, лишившись сил:
Ведь сын ее, идя на эту битву,
Такую же фамилию носил.
Она ждала и ждет его все годы,
Как только мать одна умеет ждать!..
И в сердце матери, и в памяти народа
Героям вечно жить, не умирать.

А. ЛУКИН,

почетный гражданин
г. Кириши

Вечные истины

Вечные истины

Сначала две цитаты.

«Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

А. С. Пушкин.

«Если страна плохо вооружена, враг будет всегда стоять у ворот».

Текст (иероглифы) на глиняной табличке, найденной при раскопках в древнейшем государстве Междуречья – Шумере; табличке более 6 тысяч лет.

* * *

Нет, никогда в своей жизни киришанин Владимир Матвеевич Плякин не читал и даже не слышал этих мудрых, вещих слов. Но с молодых лет и всю последующую свою жизнь, сам того не осознавая, он выстраивал и выстраивает в соответствии с этими истинами.

Вечными истинами!

История человечества полна примеров, когда народы, процветавшие на протяжении многих веков, но в один (не прекрасный!) момент запамятовавшие эти истины, не выдерживали воздействия соседних народов, утрачивали самобытность, язык, сходили с исторической сцены, растворяясь бесследно в чужой среде. Слова А. С. Пушкина – это напоминание нам, нынешним россиянам: беречь славу предков – трудовую, интеллектуальную, боевую.

Как же мудры, дальновидны были древние шумеры! Предупреждали нас: не расслабляйтесь, всегда, даже в мирное время, держите порох сухим, а войско в высокой боевой готовности. Иначе...

К сожалению, после развала СССР руководство новой России, очарованное миролюбивой риторикой американских и западноевропейских политиков, развалили нашу армию. И наши западные

«друзья», не теряя времени, как говаривали древние и очень мудрые шумеры, «встали у наших ворот». Отнюдь не с мирными намерениями...

Абсолютное большинство россиян одобряет и поддерживает усилия нового руководства страны, возглавляемые В. Путиным и Д. Медведевым, по строительству Вооруженных Сил, способных в любой момент оградить нашу страну от иноземных «доброжелателей».

Вернемся к В. М. Плякину. Сегодня в Киришах, пожалуй, мало кто с такой заинтересованностью, завидным постоянством и упорством претворяет в жизнь те «вечные истины», о которых шла речь выше. Уже много лет он собирает фотодокументы о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Сегодня это очень внушительная коллекция – свыше 5 тысяч снимков, фотодокументов. Здесь представлены почти все рода войск: пехота, морской флот, отдельно подводники, авиация, артиллерия, военная медицина, отдельные крупные сражения, в их числе «Блокада Ленинграда», Сталинградская, Московская, Курская битвы...

Более 80 фотографий отражают боевые действия под Киришами в период 1941–1943 годов. Есть раздел из 220 снимков об узниках нацистских концлагерей.

Большой интерес представляет раздел «История в лицах» – о выдающихся военачальниках и полководцах Великой Отечественной, в том числе около 800 снимков и фотодокументов о Г. К. Жукове.

И все эти фотодокументы аккуратно оформлены, сгруппированы по темам и наклеены на листы плотного ватмана. Владимир Матвеевич в любой момент готов развернуть выставку по любой из тем своей коллекции. Он побывал во всех школах г. Кириши и района, во многих учреждениях и организациях.

Вот выдержка из одного из отзывов: «С 8 мая по 3 июля 2008 года в Киришской картинной галерее прошла выставка фотоматериалов военных фотокорреспондентов, посвященная Дню Победы. Было представлено около 2 тысяч экспонатов по темам: «Блокада Ленинграда», «Падение Третьего Рейха», «Пионеры-герои», «История в лицах – Г. К. Жуков». На открытии выставки присутствовали представители администрации и средств массовой информации города. Выставку посетили учащиеся школ № 1, 2, 3, гимназии,

Оглавление

А. В. Воскобович. Слово к читателю 5
О. В. Зайцев. Страницы подлинного героизма 7

НАШЕСТВИЕ ВРАГА 9

И. С. Домничев. На своей земле 11
С. Ф. Сивицкий. Крещен под Погостьем 13
А. Кондратский. Это было под Пчевой 24
Ю. С. Погребов. Возмездие 28
М. Сафонова. Герои уходят в бессмертие 30

КИРИШСКИЙ ПЛАЦДАРМ 31

В. Я. Семенов. И здесь решалась судьба Ленинграда 33
В. Ф. Тулин. Атакуем плацдарм 39
Подборка стихов В. Ф. Тулина: «Атака», «Новинка», «Роща “Слон”», «Стена химкомбината», «Затишье», «И за сутки мы взрослели», «Ветры апреля», «Кириши» 42
А. В. Веселов. И стали мальчишки воинами 50
М. А. Мотошков. А солдат воевал 54
Т. П. Котенева. Пробил час мужества 56
И. С. Школьников. Стояли насмерть 61
А. И. Федорова. Это неженское дело – война 66
Е. И. Чистова. Первый выстрел 69
А. В. Помарницкий. Каждая пядь земли полита кровью 71

И. И. Лукьянчиков. Только один день 75
П. В. Муштаков. Глаза и уши «бога войны» 79
М. Д. Казачинский. Переправа 82
И. Пестряков. Прикрывая с воздуха 89
Н. Смирнов. Поезда, одетые в броню 92
А. П. Неплюев. «Чума» на колесах 95
А. Ф. Хренов. Подкоп 98
А. Ф. Егоров. Все это помнится 101
В. А. Лебедева-Филиппова. Солдаты без оружия 104
Г. Б. Сорин. Боевое братство 108
М. А. Гончаров. Партизанскими тропами 112
Д. С. Баталин. Газета в тылу врага 125
И. Г. Андросов. На фронте без перемен?. . 130

КОНЕЦ ПЛАЦДАРМА 135

Б. А. Владимиров. Конец плацдарма 137
Д. Ф. Онохин. Прощание с киришской землей 142
Д. К. Жеребов. На бывшем поле боя 144
П. Т. Гавриков. Кириши освободили. Теперь – на Чудово! 148
Стихи И. Бондаря. Мой город 150
Стихи А. Бережкова. Вечный огонь 151
Стихи А. Лукина. У мемориала 152

ВЕЧНЫЕ ИСТИНЫ 153

В. Ф. Амбражевич. Вечные истины 154

Амбражевич Владимир Федорович
Кириши: память огненных лет

Информационно-издательская фирма «Лики России»
190000, С.-Петербург, пер. Пирогова, 17/8
тел./факс (812) 312 11 21, (812) 320 87 88
e-mail: direct@liki-rossii.spb.ru

Подписано в печать 02.09.2008. Формат 60 x 90/16. Печ. л. 10.
Бумага офсетная + 2,5 (бумага мелованная)
Гарнитура PetersburgC
Тираж 2500 экз. Заказ № 308

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Петроцентр»
Обособленное подразделение
«Пушкинская типография»
196601, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Средняя ул., 3/8

